

ГЛАВА VII.

Чеховъ и Горькій.

Восьмидесятые годы дали русской литературѣ Чехова, девяностые—Горькаго, этихъ двухъ наиболѣе выдающихся представителей русской интеллигенціи въ области художественнаго творчества послѣдней четверти XIX-го вѣка. И снова мы присутствуемъ при подъемѣ волны индивидуализма и анти-мѣщанства, опустившейся въ эпоху мѣщанства общественнаго; и снова мы имѣемъ въ Чеховѣ и Горькомъ, какъ раньше имѣли въ Пушкинѣ и Лермонтовѣ, двухъ тѣсно связанныхъ, хотя и полярныхъ представителей развивающейся русской общественной мысли.

Восьмидесятые годы дали русской литературѣ Чехова: эту фразу никто, конечно, не истолкуетъ въ томъ смыслѣ, что Чеховъ былъ идеологомъ эпохи общественнаго мѣщанства. Какъ-разъ наоборотъ: Чеховъ былъ не идеологомъ, а сатирикомъ этой эпохи, не прямымъ, а обратнымъ ея слѣдствіемъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ многіе, однако, впадали въ такую ошибку, считая Чехова не Гоголемъ, а Гончаровымъ эпохи общественнаго мѣщанства: въ такую ошибку впалъ даже Михайловскій, въ статьѣ по поводу чеховскаго „Иванова“ (см. Собр. соч.; VI, 778). Это былъ предѣлъ его же не преѣдши непониманія основныхъ мотивовъ творчества Чехова, и Михайловскій впослѣдствіи призналъ свою ошибку, которая была тождественна съ ошибкой Писарева въ отношеніи Пушкина: и Писаревъ и Михайловскій смѣшали авторовъ съ героями ихъ произведеній. Писаревъ побѣдоносно уничтожилъ Пушкина, приписавъ ему мысли и чувства Евгенія Онѣгина; Михайловскій считалъ Чехова проповѣдникомъ идеаловъ мѣщанства, отождествивъ его съ восьмидесятникомъ Ивановымъ... Чеховъ—пропагандистъ этического

мѣщанства! Тотъ самый Чеховъ, который съ первыхъ своихъ литературныхъ шаговъ приобрѣлъ право считаться сатирикомъ эпохи восьмидесятыхъ годовъ!

Чеховъ — сатирикъ эпохи общественнаго мѣщанства: таковымъ онъ былъ въ началѣ своей дѣятельности и даже почти вплоть до девяностыхъ годовъ. Конечно, тщетно было бы стремленіе подвести всего Чехова подъ эту этикетку, которая, какъ и всякая формула, не покрываетъ живого человѣка, а тѣмъ болѣе такого человѣка, какъ Чеховъ; но доля безспорной истины въ этомъ несомнѣнно есть. Да, Чеховъ былъ сатирикомъ эпохи общественнаго мѣщанства, и мелкіе юмористическіе рассказыки его настолько же характеризуютъ эту эпоху, насколько и озлобленныя, ядовитыя сатиры Салтыкова. И еще большой вопросъ — что тяжелѣе ложится на душу читателя: облитая оцтемъ и желчью сатира Щедрина или веселенькіе пейзажики, набрасываемые легкой рукой Чехонте? Читаешь иную бездѣлушку Чехова — и смѣешься, отложишь ее въ сторону — и чувствуешь, что осталась какая-то горькая накипь на сердцѣ. И это справедливо не только относительно такихъ рассказовъ, какъ, напримеръ, „Унтеръ Пришибеевъ“, но остается вѣрнымъ почти для каждаго изъ самыхъ невинныхъ и безхитростныхъ рассказцевъ. Чеховъ не обличаетъ, не язвитъ, у него, какъ будто, не скрываются подъ видимымъ смѣхомъ невидимыя слезы, — и тѣмъ не менѣе, если бы Пушкинъ могъ услышать вмѣсто „Мертвыхъ душъ“ эти рассказыки Чехова, то онъ повторилъ бы, вѣроятно, голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!..“ (см. выше, т. I, стр. 193). Всѣ эти юмористическіе рассказыки въ двѣ-три странички имѣютъ содержаніе шире размѣровъ. Подобострастный ореоль, окружающій искони для россійскаго человѣка „чинъ“ („Толстый и тонкій“); подобный же ореоль, окружающій, со времянъ пришествія чумазаго, туго набитую мошну („Маска“); ужасъ и трепеть передъ каждымъ, кто чиномъ повыше („Смерть Чиновника“); полная забитость и приниженность россійскаго обывателя; тупая и тусклая жизнь, сдобряемая философій Киѣи Мокіевича („Мыслитель“); безгласность и трепеть, отсутствіе „протестующаго звука“, по знакомому намъ выраженію Гл. Успенскаго; а если и протестъ, то нелѣпый, жалкій, въ родѣ трехъ восклицательныхъ знаковъ коллежскаго секретаря Ефима Переклада („Восклицательный знакъ“); система „не разсуждать — повиноваться!“ неукоснительно проводимая попечительнымъ начальствомъ и согласно которой „виновные, за недостаткомъ уликъ, сидятъ пока взаперти“ („Броженіе умовъ“); яркая картина добровольнаго сысба

(„Унтеръ Пришибеевъ“); тусклая жизнь, доводящая до желанія, „чтобы всё́мъ стало скучно и горько, и чтобы всё́ почувствовали, какъ ничтожна, плоска эта жизнь“ („Мужъ“)—все это не только смѣшно, но и трагично, и поистинѣ можетъ вызвать тоскливое восклицаніе—Боже, какъ грустна наша Россія! И если отъ великаго до смѣшного только одинъ шагъ, то отъ смѣшного до трагическаго нѣтъ и этого шага: они совмѣщены въ одно, они неразрывно сплетены другъ съ другомъ. Трагедія эта играется не на героическихъ подмосткахъ; въ ней нѣтъ въ большинствѣ случаевъ ни злобныхъ „рыжихъ уродовъ“, ни преступно-страстныхъ брюнетовъ, ни блестящихъ всѣми добродѣтелями блондиновъ; если иногда люди и пробуютъ гримироваться для игры въ трагедію, то подъ этимъ гримомъ видна краска стыда и чувствуются слезы (см., напр., рассказъ Чехова „Отецъ“). Нѣтъ, трагедія не въ этомъ, и она гораздо страшнѣе; трагедія эта—въ полномъ отсутствіи трагическаго, высокаго въ жизни, трагедія эта—въ страшной пошлости и мелочности людской, *въ мѣщанствѣ жизни какъ таковой*, а не только въ мѣщанствѣ опредѣленной эпохи или опредѣленнаго класса людей... Чеховъ, какъ истинный великій художникъ, выходитъ за предѣлы своей эпохи; онъ не только сатирикъ эпохи общественнаго мѣщанства, онъ шире этого; для него вся жизнь сама по себѣ, жизнь какъ таковая, есть „мѣщанская драма“—и въ этомъ весь ужасъ жизни. Да, придя къ такому результату, нельзя было не испытать страха передъ жизнью, и такимъ образомъ въ концѣ XIX-го вѣка прійти къ выводу діаметрально-противоположному взглядамъ наивнаго эпикуреизма конца XVIII-го столѣтія. Тогда вся жизнь была окрашена въ розовый цвѣтъ, и только одна была бѣда: „теченье кратко нашихъ дней“; наивнаго эпикуреиста смущалъ „глаголь времянь, металла звонъ“, и если бы не это постоянное *memento mori*, то жизнь была бы сплошнымъ блаженствомъ—„пей, ѣшь и веселись, сосѣдь!..“ Страхъ смерти и радость жизни—вотъ основа возрѣвнѣй наивныхъ эпикуреистовъ XVIII-го вѣка; страхъ жизни и радость смерти—не это ли мы имѣемъ у Чехова? „Что же дѣлать, надо жить!—покорно склоняетъ голову передъ судьбой Соня („Дядя Ваня“): ...проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ... а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ ...мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умилениемъ, съ улыбкой—и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, я вѣрую горячо, страстно... Мы отдохнемъ! Мы отдохнемъ!..“ Жизнь—тяжелое бремя, смерть—отдыхъ, вотъ заключительный аккордъ „Дяди Вани“; бла-

женствуют и „безпрерывно веселятся въ жизни сей“ только одни мѣщане. Дядя Ваня, Соня, докторъ Астровъ, Елена Андреевна — лучшіе люди этой пьесы, и всѣ они несутъ жизнь, какъ тяжелый крестъ: она имъ не удалась и не могла удаться; зато блаженствуютъ на разные манеры старый сухарь, ученая вобла — профессоръ Серебряковъ, его достойная теща, упивающаяся чтеніемъ никому ненужныхъ книжонокъ и брошюрокъ, и разные мелкіе мѣщане растительной жизни, идеалы которыхъ не идутъ дальше лапши къ обѣду.

Такъ ли это? Дѣйствительно ли Чеховъ пессимистъ? — къ этому мы еще вернемся. Теперь мы только хотѣли отмѣтить весь трагизмъ смѣхотворныхъ рассказиковъ Чехова, трагизмъ, состоящій въ раскрытіи всей пошлости, всего ужаса жизни самой по себѣ, жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. И этотъ страхъ передъ мѣщанствомъ жизни тѣсно связанъ съ мѣщанствомъ самой эпохи, онъ коренится въ ней; только въ эпоху общественнаго мѣщанства, — мѣщанства, охватившаго сверху до низу почти все „культурное“ общество, могъ зародиться паническій ужасъ передъ мѣщанствомъ. За полъ-вѣка до Чехова Лермонтовъ приблизительно тѣми же глазами смотрѣлъ на жизнь; разница въ томъ, что вмѣсто страха жизни онъ испытывалъ равнодушіе къ жизни, къ этой пустой и глупой шуткѣ. Наивно, конечно, было бы объяснять лермонтовскую тоску по идеалѣ исключительно его недовольствомъ формами жизни эпохи официальнаго мѣщанства, но трудно не допустить этой причины, какъ одной изъ равнодѣйствующихъ въ созданіи міровоззрѣнія Лермонтова. То же самое буквально можно повторить и о Чеховѣ: эпоха общественнаго мѣщанства несомнѣнно оказала вліяніе на выработку его отношенія къ жизни, какъ къ мѣщанству по существу. Мыслимы ли Лермонтовъ и Чеховъ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ? Оба они дѣти своего времени, но оба они глубже и шире своей эпохи. Подобно Толстому и Достоевскому, оба они выходятъ за предѣлы своей эпохи; отъ мѣщанства восьмидесятыхъ годовъ Чеховъ переходитъ къ мѣщанству жизни вообще.

Возьмемъ, на примѣръ, чеховскаго „Иванова“ (драма эта написана въ 1886 г.). Передъ нами типичнѣйшій промежуточный чело-вѣкъ, восьмидесятникъ. Правда, онъ когда-то, во дни оны, волновался, горячился, жилъ во всю, сражался съ мельницами, бился лбомъ объ стѣны, „любилъ, ненавидѣлъ и вѣрилъ не такъ, какъ всѣ“ ... Но все это прошло да и быльемъ поросло; въ самой драмѣ Ивановъ уже „утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами чело-вѣкъ“ (это его собственные слова). Не-

ужели его „среда заѣла“? Самъ Ивановъ считаетъ такое объясненіе глупымъ и старымъ, однако докторъ Астровъ только этимъ можетъ объяснить гибель своей жизни и жизни дяди Вани: „жизнь обывательская, жизнь презрѣнная затинула насъ; она своими гнилыми испареніями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, какъ всѣ“... Какъ бы то ни было, но Ивановъ сталъ такимъ же пошлякомъ, какъ и всѣ. Онъ теперь такъ же, какъ и любой восьмидесятникъ, любитъ говорить страшныя и жалкія слова, заниматься самооплеваніемъ; откровенно самъ онъ сознается, что ничѣмъ онъ не замѣчательнъ. Но въ этомъ еще съ поль-бѣды: не всѣмъ же быть замѣчательными; бѣда въ томъ, что Ивановъ по уши погрязъ въ самой плоской философіи мѣщанства, характерной для восьмидесятыхъ годовъ. „...Выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло“... Эта философія Иванова намъ хорошо знакома: все тѣ же основные мотивы эпохи общественнаго мѣщанства—теорія малыхъ дѣлъ, постепенство, шаблонъ и проч., и проч., и проч. Уже одна эта тирада дѣлаетъ изъ Иванова типичнаго представителя восьмидесятыхъ годовъ. И кромѣ него мы найдемъ у Чехова не мало восьмидесятниковъ различныхъ оттѣнковъ. Вотъ мѣщанство обывательской жизни восьмидесятниковъ—„Юнычъ“, вотъ Андрей (изъ „Трехъ сестеръ“), вотъ сухой и черствый восьмидесятникъ Павелъ Андреевичъ, у котораго „душа не настоящая“ („Жена“), впрочемъ, у кого же изъ восьмидесятниковъ она настоящая? вѣдь у всѣхъ у нихъ „сердце неправильное“ (Гл. Успенскій). Вотъ ученая вобла, мѣщанинъ во профессорствѣ Серебряковъ (изъ „Дяди Вани“), воплощенная пошлость и серединность, съ обычнымъ знаменемъ восьмидесятниковъ въ рукахъ: „надо, господа, дѣло дѣлать! надо дѣло дѣлать!“ Затѣмъ передъ нами проходитъ архитекторъ Полозневъ, подъ руку съ забитой имъ дочерью: „взгляни,—говоритъ онъ,—взгляни на небо! Звѣзды, даже самыя маленькія—все это міры! Какъ ничтоженъ человекъ въ сравненіи со вселенной!“ „И говорилъ онъ это такимъ тономъ, какъ будто ему было чрезвычайно лестно и пріятно, что онъ такъ ничтоженъ“... („Моя жизнь“). Все это въ большей или меньшей степени восьмидесятника, и представителей этой породы мы могли бы еще найти у Чехова не

мало; но и тогда мы не подвинулись бы ни на одинъ шагъ въ пониманіи Чехова.

Мѣщанство всегда было ненавистно Чехову, какія бы красивыя формы оно ни принимало, какъ бы ни подкупало мягкостью своего содержанія. Въ высокой степени характерно, напримѣръ, его отрицательное отношеніе къ Гончарову, котораго онъ находилъ устарѣлымъ, безталаннымъ и скучнымъ писателемъ (см. „Воспоминанія о Чеховѣ“ С. Елпатьевскаго): въ этомъ вполне ясно сказалась ненависть его, быть можетъ, полубезсознательная, къ самодовольному и плоскому мѣщанству. Въ своихъ первыхъ рассказикахъ Чеховъ довольствовался высмѣиваніемъ этой плоскости и пошлости окружающей жизни; но въ нихъ начинающій писатель еще не нашелъ своей настоящей дороги ¹⁾. Мы видѣли однако, что и въ этихъ мелкихъ рассказахъ звучатъ уже трагическія нотки, звучатъ все сильнѣе и сильнѣе, заглушая наконецъ юмористическія темки: Чеховъ отражалъ въ своихъ рассказахъ мѣщанство окружающей его жизни и мѣщанство эпохи, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше ужасало его мѣщанство самой жизни, жизни самой по себѣ. Перечтите такіе его рассказы—одни изъ первыхъ—какъ „Знакомый мужчина“, „Мужъ“, „Приданое“, „Анюта“ и т. п.; послѣ нихъ на душѣ остается горькій осадокъ сознанія ужаса самой жизни. Мѣщанство—въ самой жизни, не только въ формахъ, но и въ содержаніи ея, вотъ основная мысль Чехова этого періода, прѣдложавшагося въ теченіе всей эпохи общественнаго мѣщанства, до начала девяностыхъ годовъ, приблизительно до рассказовъ „Рассказъ неизвѣстнаго человѣка“, „Палата № 6“ (1892—1893 гг.). Такимъ образомъ въ восьмидесятыхъ годахъ Чеховъ былъ безпросвѣтнымъ пессимистомъ, причѣмъ пессимизмъ этотъ лежалъ не въ настроеніи, а гораздо глубже—въ міровоззрѣніи. Вся жизнь—безысходный *circulus vitiosus* мѣщанства: развѣ это не безпросвѣтно пессимистическое воззрѣніе?

Мы считаемъ излишнимъ подробно останавливаться на развитіи

¹⁾ Не потому ли, вопреки общепринятому мнѣнію о неистощимости юмористической фантазій Чехова, многіе его рассказы носятъ полу-заимствованный характеръ? Чтобы не быть голословными, укажемъ, напримѣръ, на вліяніе Салтыкова: рассказъ „Сирена“ несомнѣнно навѣянъ салтыковскимъ „Привѣтомъ“, позднѣйшій рассказъ „Душечка“ родствененъ салтыковской „Кузинѣ Машенькѣ“ изъ „Благонамѣренныхъ рѣчей“. Въ „Запискахъ вспыльчиваго человѣка“ Чеховъ заимствуетъ одинъ изъ комическихъ приемовъ даже отъ ненавидимаго имъ Гончарова въ его „Обыкновенной исторіи“, и мн. др. Конечно, все это мелочи и не въ нихъ дѣло.

или подтвержденіи этого положенія: почти всѣ рассказы Чехова, написанные послѣ 1885—1886 гг., могутъ служить доказательствомъ грустнаго и безнадежнаго взгляда Чехова на жизнь, мѣщанскую въ самомъ корнѣ. И вотъ что особенно характерно для этого абсолютнаго пессимизма: Чеховъ не видѣлъ въ эту эпоху ни въ чемъ никакого выхода; символическій характеръ приобретаетъ поэтому та сценка, которой оканчивается „Скучная Исторія“. Николай Степановичъ, старый профессор—несомнѣнно талантливый человѣкъ, стоящій многимъ выше толпы, самъ съ ужасомъ уразумѣвшій мѣщанство окружающей его жизни; но что же отвѣчаетъ онъ Катѣ, которая также задыхается въ мѣщанствѣ жизни и требуетъ отвѣта на вопросъ—„что дѣлать?“. „Что же я могу сказать?—недоумѣваетъ Николай Степановичъ:—ничего я не могу... По совѣсти, Катя: не знаю“... И растерянный, тронутый ея рыданіями, онъ прибавляетъ: „давай, Катя, завтракать“... Вотъ единственный отвѣтъ... но и онъ, кажется, не рѣшаетъ вопроса...

Итакъ, нѣтъ выхода изъ заколдованнаго круга мѣщанства жизни... Хорошо, пусть будетъ такъ по мнѣнію Николая Степановича, но отвѣтствененъ ли за него Чеховъ? Вѣдь Николай Степановичъ, по собственному признанію, вполне лишенъ всякой объемлющей жизни „общей идеи“, того, что самъ же онъ называетъ „богомъ живого человѣка“; удивительно ли, что на вопросъ „что дѣлать?“ онъ можетъ только вполне искренно отвѣтить: „по совѣсти: не знаю“... Таковъ ли отвѣтъ самого Чехова? Да, именно таковъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ у Чехова именно не было „общей идеи“, не было того бога, который позволялъ бы ему на вопросъ „что дѣлать?“ дать прямой, болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ. Общая идея у него, пожалуй, была, но она носила чисто отрицательный характеръ: мы видѣли, что это была идея мѣщанства жизни, какъ таковой; но вѣдь въ этой идеѣ именно и лежалъ узелъ вопроса „что дѣлать?“, такъ что извлечь отсюда же и отвѣтъ на вопросъ было бы неразрѣшимой задачей. Отсюда происходила та пресловутая „объективность“ Чехова, которой часто любили попрекать его даже такіе чуткіе критики, какъ Михайловскій. Въ настоящее время намъ хорошо видно, что за объективностью Чехова скрывалась глубокая, трагическая идея: во всемъ, рѣшительно во всемъ видѣлъ онъ страшное мѣщанство жизни—и не находилъ выхода (см. особенно рассказъ „Страхъ“, 1892 г.). Такая безконечная глубина отрицанія и не мерещилась тѣмъ изъ его критиковъ, которые упрекали его

за отсутствіе цѣлей и идеаловъ, а потому и смѣшивали его съ промежуточными людьми восьмидесятихъ годовъ.

Но если это такъ, если вся жизнь есть безпросвѣтное, тягучее мѣщанство, то, Боже мой, что это за „скучная исторія“ жизнь! Скучная—и страшная, страшная и скучная въ своей плоскости и ничтожествѣ... Когда-то Райскій, создание пера апологета мѣщанства, Гончарова, задался мыслью „писать скуку“. „Вѣдь жизнь многосторонняя и многообразная,—разсуждалъ онъ,—и если и эта широкая и голая, какъ степь, скука лежитъ въ самой жизни, какъ лежатъ въ природѣ безбрежные пески, нагота и скудость пустынь, то и скука можетъ и должна быть предметомъ мысли, анализа, пера или кисти, какъ одна изъ сторонъ жизни“... („Обрывъ“, ч. II, гл. XVI). Скука, голая и широкая, какъ степь, представляющая одну изъ сторонъ жизни... но у Чехова эта степь разлилась по всему земному шару. „Степь“—такъ озаглавленъ одинъ изъ первыхъ крупныхъ разсказовъ Чехова (1886 г.), и въ этомъ разсказѣ чувствуется не только жизнь степи, но и дыханіе скуки, безбрежной и широкой, какъ эта степь. И нѣтъ спасенія отъ этой скуки, этой тоски, вѣчной спутницы заповившаго всю жизнь мѣщанства. Въ широкой украинской степи, въ кабинетѣ всемірно извѣстнаго стараго профессора, на фабрикѣ Ляликовыхъ („Случай изъ практики“), въ губернскомъ городѣ, гдѣ живетъ архитекторъ Полозневъ („Моя жизнь“)—вездѣ тоска, вездѣ скука, вездѣ ужасъ тусклой мѣщанской жизни. „Зачѣмъ же эта ваша жизнь,—спрашиваетъ архитектора его сынъ,—зачѣмъ она такъ скучна, такъ бездарна, зачѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ домовъ, которые вы строите вотъ уже тридцать лѣтъ, нѣтъ людей, у которыхъ я могъ бы поучиться, какъ жить?..“ „Городъ нашъ существуетъ уже сотни лѣтъ,—продолжаетъ онъ дальше,—и за все время онъ не далъ родинѣ ни одного полезнаго человѣка—ни одного! Вы душили въ зародышѣ все маломальски живое и яркое! Городъ лавочниковъ, трактирщиковъ, канцеляристовъ, ханжей, ненужный, бесполезный городъ, о которомъ бы не пожалѣла ни одна душа, если бы онъ вдругъ провалился сквозь землю“... („Моя жизнь“). И такихъ городовъ столько же, сколько существуетъ городовъ въ Россіи—если ужъ нужно ограничиться Россіей.. Не случайная эта мысль: у Чехова она повторяется сплошь да рядомъ, даже въ его самыхъ послѣднихъ разсказахъ (см., напр., „Крыжовникъ“). Въ „Трехъ сестрахъ“ Андрей говоритъ почти буквально тѣми же словами: „городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей, и ни одного, который

не былъ бы похожъ на другихъ... Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... рождаются другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ, и, чтобы не оступѣть отъ скуки, разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами"... Вотъ и отвѣтъ на вопросъ того же Андрея: „отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, сѣры, неинтересны, лѣнны, равнодушны, бесполезны, несчастны?..“

Именно оттого, что нѣтъ выхода изъ болота мѣщанства, оно затягиваетъ, оно широко, какъ степь, отъ него некуда скрыться, оно залило собою весь міръ... Три сестры стонутъ на разные лады: „въ Москву! въ Москву! въ Москву!“ — пусть предаются самоублаженію и иллюзіи! никакое разстояніе не спасетъ ихъ отъ мѣщанства, во власти котораго вся жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Единственное, что остается среднему человѣку—это сойти съ ума и въ припадкѣ маніи величія почувствовать себя веселымъ, счастливымъ и оригинальнымъ, вырвавшимся изъ сѣтей мѣщанства („Черный Монахъ“).

Съ такими и только такими взглядами жить нельзя. Въ философіи абсолютный скептицизмъ является самоубійственнымъ воззрѣніемъ, ибо въ концѣ концовъ приходитъ къ заключеніямъ, разлагающимъ самую мысль и самое сознаніе на неуловимые элементы, почему и самый ходъ мысли абсолютнаго скептика является миражемъ. Въ жизни абсолютный пессимизмъ приводитъ къ такимъ же самоубійственнымъ результатамъ, если не прибѣгнуть къ различнымъ уловкамъ: разграниченію пессимизма настроенія отъ пессимизма воззрѣнія и т. п. Въ восьмидесятыхъ годахъ Чеховъ искалъ спасенія отъ своего абсолютнаго пессимизма въ толстовствѣ. Отрицаніе Толстымъ и формы и содержанія культуры какъ нельзя болѣе приближалось ко взглядамъ Чехова о мѣщанствѣ жизни по существу, не только формы ея, но и содержанія, и въ рассказахъ Чехова періода приблизительно 1886—1892 гг. мы часто встрѣтимъ прорывающіяся нотки толстовства. „...Я презираю ваши книги, презираю всѣ блага міра и мудрость. Все ничтожно, брэнно, призрачно и обманчиво, какъ миражъ. Пусть вы горды, мудры и прекрасны, но смерть сотретъ васъ съ лица земли наравнѣ съ подпольными мышами, а потомство ваше, исторія, безсмертіе вашихъ геніевъ замерзнуть или сгорятъ вмѣстѣ съ земнымъ шаромъ. Вы обезумѣли и идете не по той дорогѣ. Ложь принимаете вы за правду и безобразіе за красоту“... („Пари“). И несомнѣнно, что за узникомъ-юристомъ, обращающимся съ такимъ монологомъ къ человѣчеству, отчасти стоитъ и самъ Чеховъ. Во многихъ послѣдующихъ разска-

захъ Чехова мы могли бы указать не менѣ очевидныя слѣды вліянія толстовства („Княгиня“, „Скучная исторія“, „Припадокъ“ и др.); во всѣхъ нихъ характерно однако то, что изъ толстовства Чеховъ воспринималъ только его отрицательную, разрушающую сторону, и вполнѣ безразлично относился къ сторонѣ положительной. Такимъ образомъ и толстовство не указало Чехову выхода изъ тупика абсолютнаго пессимизма, и кончилось тѣмъ, что онъ рѣзко осудилъ толстовство. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящемся къ 1894 г., Чеховъ такъ отзывается объ этомъ своемъ увлеченіи: „...толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мной лѣтъ 6—7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, которыя мнѣ были извѣстны раньше, а толстовская манера выражаться, — разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода; теперь же во мнѣ что-то протестуетъ“... Свой протестъ онъ выразилъ въ цѣломъ рядѣ рассказовъ — „Палата № 6“, „Хорошіе люди“, „Моя жизнь“ и др. (1892—1895 гг.), и съ этого протеста начинается переломъ въ абсолютномъ пессимизмѣ Чехова; критика толстовства дала ему возможность найти теоретическій выходъ изъ заколдованнаго круга мѣщанства жизни самой по себѣ. Чеховъ „увѣровалъ въ прогрессъ“, по его собственнымъ словамъ (изъ того же письма 1894 г.). Мы еще увидимъ, насколько эта вѣра могла исцѣлить Чехова...

Самосовершенствованіе, этотъ идолъ толстовства и вообще эпохи восьмидесятыхъ годовъ, теперь утратилъ для Чехова всякое обаяніе; раздѣленіе свободы на внутреннюю и внѣшнюю кажется теперь ему профанаціей священнаго слова. Онъ иронизируетъ надъ „совершенствомъ“ и самоувѣренностью толстовца, который „наѣлся огурцовъ и хлѣба и думаетъ, что отъ этого сталъ совершеннѣе“... („Печенѣгъ“), онъ изображаетъ трагическую коллизію свободы внутренней съ несвободой внѣшней („Палата № 6“), наконецъ, онъ требуетъ широты и всеобъемлемости жизни („Крыжовникъ“). Въ „Палатѣ № 6“ докторъ Рагинъ — безсознательный толстовецъ и во всякомъ случаѣ типичный восьмидесятникъ по своимъ возрѣніямъ на внутреннюю и внѣшнюю свободу. „Между теплымъ, уютнымъ кабинетомъ и этою палатой нѣтъ никакой разницы, — разсуждаетъ Рагинъ: — покой и довольство челоуѣка не внѣ его, а въ немъ самомъ... Обыкновенный челоуѣкъ ждетъ хорошаго или дурнаго извнѣ, то-есть отъ коляски и кабинета, а мыслящій — отъ самого себя“... Если вы почаще будете вдумываться, то вы поймете, какъ ничтожно все то внѣшнее, что волнуетъ насъ. Нужно стремиться къ уразумѣнію жизни, а въ немъ — истинное благо“... Старая пѣсня,

хорошо намъ знакомая! И что могъ бы на нее отвѣтить Чеховъ въ періодъ своего абсолютнаго пессимизма? Но теперь, въ періодъ пробужденія отъ толстовства, онъ находитъ рѣзкія слова для осужденія этой дряблой, внѣжизненной морали. „...Суета-суеть, внѣшнее и внутреннее, презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, уразумѣніе, истинное благо—все это философія, самая подходящая для россійскаго лежебока“... Такъ отвѣчаетъ доктору Рагину душевнобольной Громовъ—и удивляться ли, что именно ему поручилъ Чеховъ высказать очевидно и свое собственное мнѣніе? Вѣдь мы уже видѣли, что среди всеобщаго мѣщанства, плоскости и убожества мысли душевная болѣзнь часто сопровождается оригинальными взглядами, интересными воззрѣніями („Черный Монахъ“); къ тому же здѣсь Чеховъ только въ первый разъ рискуетъ высказать свои положительныя мысли. „Уразумѣніе... внѣшнее, внутреннее... Извините, я этого не понимаю. Я знаю только,—продолжаетъ высказывать мысли Чехова Громовъ,—я знаю, что Богъ создалъ меня изъ теплой крови и нервовъ, да-съ! А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую! На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость—негодованиемъ, на мерзость—отвращеніемъ. По-моему, это собственно и называется жизнью“... Понявъ жизнь такимъ образомъ, трудно было остаться при исповѣдуемомъ до того времени абсолютномъ пессимизмѣ; а что Чеховъ понималъ это именно такъ—достаточно ясно показываютъ, кромѣ рѣчей Громова, послѣднія страницы разсказа, судьба доктора Рагина... Во всякомъ случаѣ здѣсь передъ нами—рѣзкое осужденіе философіи пассивнаго самосовершенствованія, этой главной спутницы общественнаго мѣщанства.

Но въ затронутомъ нами разсказѣ есть кромѣ того мимолетное выраженіе и другой, воистину центральной мысли Чехова,—и пусть насъ не шокируетъ, что она также вложена въ уста сумасшедшаго Громова. „...Настануть лучшія времена!—воскликаетъ онъ:—...возсіяетъ заря новой жизни, восторжествуетъ правда, и—на нашей улицѣ будетъ праздникъ! Я не дождусь, издохну, но зато чи-ни-будь правнуки дождутся. Привѣтствую ихъ отъ всей души и радуюсь, радуюсь за нихъ! Впередь! Помогай вамъ Богъ, друзья!..“ Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ спасительная мысль Чехова: онъ „увѣровалъ въ прогрессъ“, и вѣра эта временно спасла его отъ абсолютнаго пессимизма, отъ ужаса передъ сплошнымъ мѣщанствомъ жизни.

Не трудно доказать, что такова вѣра именно самого Чехова,

а отнюдь не только дѣйствующихъ лицъ его разсказовъ и драмъ. Вѣра эта высказывается Чеховымъ постоянно, онъ влагасть ее въ уста безконечнаго множества созданныхъ имъ лицъ, варьируетъ въ самыхъ разнообразнѣйшихъ положеніяхъ, и — это особенно интересно — въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ высказываетъ ее съ особенною настойчивостью, особенно въ „Дядѣ Ванѣ“, „Трехъ сестрахъ“ и „Вишневомъ саду“.

Чехова спасала вѣра въ то, что будетъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ. Черезъ двѣсти-триста лѣтъ все мѣщанство жизни будетъ сметено съ лица земли, засіяетъ заря новой жизни — красивой, справедливой, счастливой. Въ этой грядущей эпохѣ золотого вѣка не помянутъ добромъ нашу жалкую мѣщанскую жизнь... „Тѣ, которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ послѣ насъ и которые будутъ презирать насъ за то, что мы прожили свои жизни такъ глупо и такъ безвкусно, — тѣ, быть можетъ, найдутъ средство, какъ быть счастливыми“... Это говоритъ докторъ Астровъ и говоритъ еще въ нѣсколько перѣшителномъ тонѣ, но все-таки онъ работаетъ для этого счастливаго будущаго, его утѣшаетъ сознаніе, что „если черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ счастливъ, то въ этомъ немножко буду виноватъ и я“... Одно это сознаніе даетъ ему силы для работы. „Тѣ, которые будутъ жить черезъ сто-двѣсти лѣтъ послѣ насъ и для которыхъ мы теперь пробиваемъ дорогу, помянутъ ли насъ добрымъ словомъ? Нянька, вѣдь не помянутъ!“ — съ горечью восклицаетъ онъ, но на отвѣтъ няньки — „люди не помянутъ, зато Богъ помянетъ“ — удовлетворенно говоритъ: „вотъ спасибо. Хорошо ты сказала.“ Другими словами: не въ томъ дѣло, будемъ ли мы жить въ потомствѣ, а въ томъ, что работа наша поведетъ къ счастью этого далекаго потомства.

Въ „Трехъ сестрахъ“ эти мысли получаютъ дальнѣйшее развитіе. Вершининъ и Тузенбахъ повторяютъ идею о красотѣ жизни будущаго каждый со своей точки зрѣнія, съ теоретической и практической. „Жизнь тяжела, — философствуетъ Вершининъ: — она представляется многимъ изъ насъ глухой и безнадежной, но все же, надо сознаться, она становится все яснѣе и легче, и, повидимому, недалеко то время, когда она станетъ совсѣмъ свѣтлой“. Мы убѣдимся впоследствии, что это почти буквально слова самого Чехова, это его мысли, а пока продолжимъ знакомство съ развитіемъ этихъ мыслей Вершининымъ. „...Какая разница между тѣмъ, что есть и что было! — восклицаетъ онъ: — а пройдетъ еще немного времени, какихъ-нибудь двѣсти-триста лѣтъ, и на нашу теперешнюю жизнь

такъ же будутъ смотрѣть и со страхомъ, и съ насмѣшкой... О, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь!..“ И подобно Астрову онъ находитъ весь смыслъ жизни въ работѣ для будущихъ поколѣній: „черезъ двѣсти, триста, наконецъ, тысячу лѣтъ—дѣло не въ срокѣ—настанетъ новая счастливая жизнь. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но мы для нея живемъ теперь, работаемъ, ну, страдаемъ, мы творимъ ее—и въ этомъ одномъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье“. Тузенбахъ дополняетъ мысли Вершинина своимъ призывомъ къ работѣ, къ работѣ во что бы ни стало; для него работа, трудъ—нѣчто какъ бы наркотическое, позволяющее забыться отъ угнетающаго ужаса мѣщанства жизни. „Черезъ двѣсти-триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней...“—повторяетъ въ тысячный разъ свою излюбленную мысль Вершининъ; вотъ отвѣтъ Тузенбаха: „черезъ много лѣтъ, вы говорите, жизнь на землѣ будетъ прекрасной, изумительной. Это правда. Но, чтобы участвовать въ ней теперь хотя издали, нужно приготовиться къ ней, нужно работать...“ „Буду работать...—повторяетъ онъ:—хоть одинъ день въ моей жизни поработать такъ, чтобы прійти вечеромъ домой, въ утомленіи повалиться въ постель и уснуть тотчасъ же...“ Буду работать, буду работать...—это лейтмотивъ его воззрѣній на жизнь (отчасти это повторяетъ вмѣстѣ съ нимъ и Ирина); однако, ясно видно, что для него работа не средство для завоеванія счастья грядущихъ поколѣній, а цѣль, спасающая его отъ мѣщанства жизни. Это еще пессимистическій взглядъ, о немъ рѣчь будетъ ниже, теперь же окончимъ сводъ мнѣній о предстоящемъ золотомъ вѣкѣ. Что это мысли самого Чехова, достаточно ясно уже изъ одного того, что въ „Трехъ сестрахъ“, кромѣ Вершинина и Тузенбаха, ихъ повторяютъ и Андрей и Ольга. Правда, пьеса кончается пессимистическимъ аккордомъ; остается такое впечатлѣніе, будто Чеховъ упорно и на всѣ лады твердить о неизмѣримо прекрасной, изумительной грядущей жизни для того, чтобы, подобно Тузенбаху, наркотизировать себя отъ томщаго и угнетающаго душу мѣщанства современности, ни въ чемъ не находя спасенія отъ реальной дѣйствительности. Остается только возложить всѣ надежды на будущее—такимъ призывомъ оканчиваются и „Дядя Ваня“ и „Три сестры“. „Мы отдохнемъ! Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ!..“—такими словами Сони оканчивается „Дядя Ваня“—сло-

вами надежды на будущій золотой вѣкъ, если не на землѣ, то на небѣ. „...Страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь...“ — такимъ аккордомъ заключаются „Три сестры“, — аккордомъ надежды на грядущій рай на землѣ. И все-таки настроеніе и тутъ и тамъ получается одинаково тяжелое, — тяжелое отъ сознанія невозможности устроить жизнь не въ мірѣ трансцендентнаго и не черезъ сотни лѣтъ на землѣ, а теперь, немедленно, для живыхъ человѣческихъ личностей...

Дѣйствительно ли однако Чехову принадлежитъ эта мысль о грядущемъ золотомъ вѣкѣ на землѣ, которымъ долженъ закончиться прогрессъ? Не навязываемъ ли мы ему насильно разсужденія разныхъ Вершининыхъ и Астровыхъ, разсужденія отнюдь не раздѣляемые самимъ авторомъ? Нѣтъ, это дѣйствительно мысль самого Чехова. За такое толкованіе говоритъ ужъ одно то упорство, съ какимъ Чеховъ повторяетъ эту мысль устами разнородныхъ, разнообразныхъ дѣйствующихъ лицъ; но у насъ есть и болѣе вѣскія доказательства. Въ цитированномъ уже нами письмѣ Чехова, періода его разрыва съ толстовствомъ (1894 г.), онъ категорически заявляетъ: „я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда меня перестали драть, была страшная...“ Его утопія золотого вѣка на землѣ есть лишь крайняя форма проявленія вѣры въ прогрессъ; его вѣра въ будущее, благодаря сравненію прошлаго съ настоящимъ, выраженная въ только-что приведенной фразѣ, почти буквально вкладывается имъ въ Вершинина („...Какая разница между тѣмъ, что есть и что было!“ и т. д.; см. выше). Въ интересныхъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ г. Куприна мы находимъ строки вполне подтверждающія все сказанное выше. „Какъ хороша будетъ жизнь черезъ триста лѣтъ!“ — такъ мечталъ самъ Чеховъ, ухаживая за цвѣтами и деревьями въ своемъ ялтинскомъ садикѣ. „Вѣдь здѣсь до меня былъ пустырь (часто говорилъ Чеховъ, глядя на свой садъ) и нелѣпые овраги, всѣ въ камняхъ и въ чертополохѣ. А я вотъ пришелъ и сдѣлалъ изъ этой дичи культурное, красивое мѣсто. Знаете ли — прибавлялъ онъ вдругъ съ серьезнымъ лицомъ, тономъ глубокой вѣры, — знаете ли, черезъ триста, четыреста лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтушій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна“...

Это слова самого Чехова. Онъ горячо вѣрилъ въ красоту,

широту и гармонію человѣческой жизни, онъ вѣрилъ, что жизнь *должна* быть именно такой, что человѣческой гений путемъ усиленной работы расчищать почву для счастливой жизни всего человѣчества. Естественно, что, „увѣровавъ въ прогрессъ“, Чеховъ разрывалъ съ толстовствомъ, отрицающимъ не только формы современной культуры, но и форму и содержаніе культуры вообще; по его мнѣнію, прогрессъ дастъ, наконецъ, изстрадавшемуся человѣчеству возможность вздохнуть спокойно. „Разсчетливость и справедливость говорятъ мнѣ,—писалъ Чеховъ еще въ томъ же письмѣ 1894 г.,— что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса“. И впослѣдствіи, по воспоминаніямъ г. Куприна, Чеховъ всегда съ удовольствіемъ и съ интересомъ относился ко всякому новому изобрѣтенію въ области техники—онъ вѣрилъ, что всякое усовершенствованіе есть шагъ впередъ къ грядущему золотому вѣку человѣчества. Онъ вѣрилъ въ прогрессъ. „Онъ съ твердымъ убѣжденіемъ говорилъ о томъ, что преступленія въ родѣ убійства, воровства и прелюбодѣянія становятся все рѣже, почти исчезаютъ въ настоящемъ интеллигентномъ обществѣ, въ средѣ учителей, докторовъ и писателей. Онъ вѣрилъ въ то, что грядущая, истинная культура облагородитъ человѣчество“ (А. Купринъ, „Памяти Чехова“).

Чеховъ вѣрилъ, или, по крайней мѣрѣ, пытался вѣрить. Это спасло его отъ отчаянія, отъ безпросвѣтнаго, абсолютнаго пессимизма. Широту и красочность жизни онъ всегда любилъ, любилъ самую жизнь—и это проявлялось даже въ рассказахъ періода его толстовства и абсолютнаго пессимизма. Въ небольшомъ рассказѣ „Въ ссылкѣ“ (1890 г.) онъ противопоставляетъ аскетически довольнаго всѣмъ „семикаторжнаго“ Семена безконечно несчастному вслѣдствіе ударовъ судьбы, но не смирившемуся „барину“, Василию Сергѣевичу. Философія Семена, которому „ничего не надо“, который „довелъ себя до такой точки“, что можетъ голый на землѣ спать и траву жрать—не можетъ быть симпатична Чехову, и, быть можетъ, уже именно въ этомъ рассказѣ впервые сказался протестъ Чехова противъ толстовства; очевидно, что авторъ стоитъ за спиной ссыльнаго татарина, который съ ненавистью и отвращеніемъ возражаетъ Семену: „баринъ хорошая душа, отличный, а ты звѣрь, ты худо! Баринъ живой, а ты дохлый... Богъ создалъ человѣка, чтобы живой былъ, чтобы и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значить ты не живой, а камень, глина! Камню надо ничего, и тебѣ ничего“... Въ позднѣйшихъ рассказахъ Чехова

эта нота звучитъ все сильнѣе и опредѣленнѣе, къ жизни предъ-
 являются все большія и большія требованія. „...Какъ хотѣлось
 жить! — восклицаетъ авторъ „Разказа неизвѣстнаго человѣка“
 (1893 г.): — я готовъ былъ обнять и вмѣстить въ свою короткую
 жизнь все, доступное человѣку. Мнѣ хотѣлось и говорить, и читать,
 и стучать молотомъ гдѣ-нибудь въ большомъ заводѣ, и стоять на
 вахтѣ, и пахать...“ „И въ ожиданіи своей близкой смерти „неиз-
 вѣстный человѣкъ“ упивается жизнью (быть можетъ, и самъ Чеховъ
 полюбилъ и оцѣнилъ жизнь только тогда, когда заболѣлъ неизлѣчимой
 болѣзнию въ 1890—1891 гг.)... „Мнѣ страшно хочется жить,—
 признается онъ, — хочется, чтобы наша жизнь была свята, высока
 и торжественна, какъ сводъ небесный. Будемъ жить! Солнце не
 восходитъ два раза въ день и жизнь дается не дважды“... Въ без-
 конечно грустномъ разказѣ „Три года“ (1894 г.) — одномъ изъ
 лучшихъ разказовъ Чехова — буквально то же самое повторяетъ
 Ярцевъ, и устами его несомнѣнно говорить самъ Чеховъ. „...Какъ
 богата разнообразная русская жизнь, ахъ, какъ богата!—восклицаетъ
 онъ: — знаете, я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что мы
 живемъ наканунѣ величайшаго торжества, и мнѣ хотѣлось бы до-
 жить, самому участвовать“... („Послушайте, а знаете что? Вѣдь въ
 Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція“ — такова была, по
 свидѣтельству г. Куприна, обычная излюбленная фраза Чехова;
 „даже и здѣсь звучалъ у него тотъ же мотивъ о радостномъ буду-
 щемъ, ждущемъ человѣчество, который отозвалъ во всѣхъ его про-
 изведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ“ — замѣчаетъ по этому поводу авторъ
 воспоминаній). „Я вовсе не хочу,—продолжаетъ Ярцевъ,—чтобы изъ
 меня вышло что-нибудь особенное, чтобы я создалъ великое, а мнѣ
 просто хочется жить, мечтать, надѣяться, всюду поспѣвать“... Въ
 „Крыжовникѣ“ эта же мысль выражена со значительной силой,
 вмѣстѣ съ окончательнымъ и безповоротнымъ осужденіемъ толстов-
 ства. „Принято говорить, что человѣку нужно только три аршина
 земли. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человѣку. И го-
 ворятъ также теперь, что если наша интеллигенція имѣетъ тяго-
 тѣніе къ землѣ и стремится въ усадьбы, то это хорошо. Но вѣдь
 эти усадьбы тѣ же три аршина земли. Уходить изъ города отъ
 борьбы, отъ житейскаго шума, уходить и прятаться у себя въ
 усадьбѣ—это не жизнь, это эгоизмъ, лѣнь, это своего рода мона-
 шество, но монашество безъ подвига. Человѣку нужно не три
 аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ

на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа“...

Итакъ, казалось бы, все обстоитъ благополучно... Чеховъ „увѣровалъ въ прогрессъ“ и тѣмъ самымъ отъ абсолютнаго пессимизма перешелъ къ абсолютному оптимизму; теперь мы уже не встрѣтимъ, надо думать, въ его произведеніяхъ тоскливыхъ аккордовъ, удручающихъ душу картинъ мѣщанства жизни, гнетущей философіи потрясеннаго мѣщанствомъ жизни человѣка... И однако—странное дѣло!—именно теперь въ періодъ вѣры Чехова въ прогрессъ, мы слышимъ отъ него наиболѣе угнетающія признанія, мы видимъ такія безотрадныя картины, какъ „Дядя Ваня“ и „Три сестры“. Иногда Чеховъ пытается подбодриться, убѣдить себя, что мѣщанство жизни уже отмираетъ, что уже идутъ побѣдители его, въ родѣ Ани и „облѣзлаго барина“, студента Трофимова („Вишневый садъ“); эти побѣдители *in spe* надѣются „обойти то мелкое и призрачное, что мѣшаетъ быть свободнымъ и счастливымъ—вотъ цѣль и смыслъ нашей жизни. Впередъ! Мы идемъ неудержимо къ яркой звѣздѣ, которая горитъ тамъ вдали! Впередъ! Не отставай, друзья!“ „О, если бы поскорѣ наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будетъ прямо и смѣло смотрѣть въ глаза своей судьбѣ, сознать себя правымъ, быть веселымъ, свободнымъ! А такая жизнь рано или поздно настанетъ!“—воскликаетъ героиня послѣдняго изъ чеховскихъ разсказовъ („Невѣста“). Но все это плохое утѣшеніе. Какъ ни старался Чеховъ спастись своею „вѣрою въ прогрессъ“, но онъ не могъ не чувствовать, что центръ тяжести лежитъ въ достиженіи цѣли *теперь, немедленно же, а не когда-нибудь*, а не „черезъ двѣсти-триста лѣтъ“. Чеховская вѣра въ прогрессъ была знакомой уже намъ „шигалевщиной во времени“, была глубокимъ *этическимъ анти-индивидуализмомъ*, и въ то же самое время Чеховъ чувствовалъ истинность принципа самоцѣльности человѣческой личности. Это глубокое внутреннее противорѣчіе и было причиной того, что вѣра въ прогрессъ не спасла Чехова отъ пессимизма и не позволила успокоиться на плоской позитивной теоріи прогресса, съ которой такъ боролся Герценъ, еще болѣе него—Достоевскій, а въ концѣ XIX-го вѣка—критическіе идеалисты, о которыхъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. У Лермонтова мы видѣли глубокое раздвоеніе между реалистическими воззрѣніями и романтическими настроеніями; у Чехова мы видимъ не менѣе глубокое раздвоеніе между антииндивидуалистическимъ воззрѣніемъ и индивидуалистическимъ настроеніемъ: первое было насильственно привито, второе было глубоко

врождено. Это раздвоение отразилось на всемъ творествѣ Чехова послѣднихъ десяти лѣтъ его жизни.

Съ одной стороны—это эпоха исповѣданія и проповѣди „шигалевщины во времени“, эпоха нарумяненного и раскрашеннаго абсолютнаго оптимизма: „черезъ триста-четыреста лѣтъ вся землѣ обратится въ цвѣтущій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна“... „О, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь!“ А такъ какъ теперь достигнуть такой жизни нельзя, то надо услаждаться мыслью о будущемъ блаженствѣ и не покладая рукъ работать, на благо грядущимъ поколѣнїямъ, для устройства изъ всей земли цвѣтущаго сада. И если въ настоящемъ—одно сплошное мѣщанство, съ рѣдкими проблесками изъ свѣтлой, лучшей дали, то будемте по крайней мѣрѣ работать, не покладая рукъ, на пользу этого счастливаго будущаго. Съ этимъ призывомъ къ работѣ,— а призывъ этотъ встрѣчается у Чехова всегда параллельно предвидѣнїю лучшаго грядущаго,—вполнѣ естественно соединяется забота о будущихъ поколѣнїяхъ, а люди нашего времени невольно играютъ роль „жертвы вечерней“, во славу будущей зари. Мы работаемъ, мы страдаемъ,—но изъ этого страданія и работы вырастаетъ счастье тѣхъ, которые будутъ жить послѣ насъ, тѣхъ, которые, быть можетъ, будутъ презирать насъ за безвкусную, нелѣпую, мѣщанскую нашу жизнь, а быть можетъ и помянутъ насъ добрымъ словомъ... А впрочемъ—„люди не помянутъ, зато Богъ помянетъ“: наши труды не пропадутъ. Будемъ же трудиться, памятуя, что мы только средство для счастья будущихъ поколѣнїй...

Мы видѣли, что именно таковы взгляды Чехова. Мы видѣли также, что большинство дѣйствующихъ лицъ его пьесъ и рассказовъ именно такъ смотрятъ на трудъ, на работу. Если Тузенбахъ безпомощно твердитъ: „буду работать! буду работать!“, считая трудъ цѣлью, какимъ-то запоемъ отъ ужаса пошлости жизни, то другїе—и такихъ большинство—считаютъ работу только средствомъ для достиженія всемірной гармонїи. Выше мы познакомились съ подобными взглядами различныхъ героевъ „Дяди Вани“ и „Трехъ сестеръ“; теперь можно прибавить, что взглядъ этотъ на современнаго человека, какъ на средство для благоденствїя людей будущаго, высказывается даже Трофимовымъ, даже Ярцевымъ, тѣмъ самымъ Ярцевымъ, который такъ жадно хочетъ жить полной и цѣльной жизнью. Не успѣлъ еще этотъ Ярцевъ высказаться о своей жаднѣ жизни, какъ онъ высказываетъ уже самый недвусмысленный анти-индивидуализмъ: на жалобы Лаптева, что онъ не можетъ стать господи-

номъ жизни, что онъ не можетъ приспособиться къ ней, что вѣроятно жизнь возьметъ много жертвъ отъ выбивающихся, подобно ему, Лаптеву, на настоящую дорогу, что вѣроятно „много нашего брата ляжетъ костью“ — Ярцевъ равнодушно отвѣчаетъ: „все это хорошо, голубчикъ... Это только показываетъ лишній разъ, какъ богата разнообразная русская жизнь. Ахъ, какъ богата!...“ (Продолженіе этой цитаты—см. выше). Иными словами: мы поляжемъ костью, но зато мы послужимъ удобреніемъ для цвѣтущихъ всходовъ будущей жизни. Это, конечно, утѣшительно, но въ этотъ моментъ Ярцеву могла явиться тѣнь Ивана Карамазова и вознегодовать: „не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страданіями моими унавозить кому-то будущую гармонію“...

Но все это только съ одной стороны. Съ другой—десница Чехова разрушаетъ то, что построила его шуйца, проявляя весь глубокий этический индивидуализмъ, присущій Чехову; и эта работа десницы идетъ все время параллельно работѣ шуйцы. Еще въ „Дуэли“ (1892 г.) Чеховъ достаточно опредѣленно высказался объ этической равноцѣнности личностей и о самоцѣльности личности. Жалкій восьмидесятникъ Лаевскій не вызываетъ въ насъ никакого сочувствія, но еще менѣе сочувствія испытываемъ мы по адресу прямолинейнаго дарвиниста, сухого и холоднаго фонъ-Корена, требующаго уничтоженія такихъ людей, какъ Лаевскій, для блага цѣлаго общества. Если бы государство или общество поручили ему уничтожить Лаевскаго, то у него „рука бы не дрогнула“... Сожительница Лаевскаго, Надежда Ѳедоровна, еще болѣе жалкій человекъ, но когда фонъ-Коренъ требуетъ принятія со стороны общества насильственныхъ мѣръ по отношенію къ подобнаго рода особамъ, въ родѣ отправленія „manu militari“ къ мужу, а если мужъ не приметъ, то въ исправительныя заведенія или каторжныя работы,—то ясно видны симпатіи Чехова въ словахъ добродушнаго и смѣшного Самойленко: „если людей топить и вѣшать, то къ чорту твою цивилизацію, къ чорту человѣчество! Къ чорту!...“ И конецъ разсказа, выдержанный въ теплое, примиряющее тонѣ, еще болѣе подчеркиваетъ, что именно такова основная мысль Чехова.

И эту мысль, что человекъ—цѣль, что человѣческая личность выше всего, Чеховъ высказывалъ неоднократно. Художникъ въ разсказѣ „Домъ съ мезониномъ“ (1895 г.) считаетъ человека стоящимъ выше всего въ природѣ и жизни, выше авторитета, выше тайны, выше чуда: онъ счумѣлъ бы возразить на теорію Великаго Инквизитора... Онъ видитъ чудо во всемъ, что непонятно, но не

покоряется чуду. „Къ явленіямъ, которыхъ я не понимаю, я подхожу бодро и не подчиняюсь имъ. Я выше ихъ. Человѣкъ долженъ сознавать себя выше львовъ, тигровъ, звѣздъ, выше всего въ природѣ, даже выше того, что непонятно и кажется чудеснымъ, иначе онъ не человѣкъ, а мышъ, которая всего боится“... Этотъ художникъ полу-толстовецъ не является, конечно, выразителемъ мнѣній самого Чехова, который именно къ этому времени (1895 г.) и разошелся окончательно съ толстовствомъ; социальныя теоріи художника діаметрально расходятся со взглядами самого Чехова (см. воспоминанія о Чеховѣ — Елпатьевскаго, Куприна, Сергѣенко и др.), но приведенная выше фраза несомнѣнно принадлежитъ не только дѣйствующему лицу разсказа, но и его автору: слишкомъ упорно повторяетъ Чеховъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ эту же мысль объ абсолютной высотѣ человѣческой личности. Иногда онъ высказываетъ эту мысль рядомъ съ другой основной мыслью о счастья грядущихъ поколѣній, и тогда этический индивидуализмъ беретъ у него верхъ надъ шигалевщиной и анти-индивидуализмомъ. Особенно характерны въ этомъ отношеніи заключительныя слова „неизвѣстнаго человѣка“ изъ разсказа того же имени. „Я вѣрю, — говоритъ онъ, — слѣдующимъ поколѣніямъ будетъ легче и виднѣй; къ ихъ услугамъ будетъ нашъ опытъ. Но вѣдь хочется жить независимо отъ будущихъ поколѣній и не только для нихъ. Жизнь дается одинъ разъ, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво... Я вѣрю и въ цѣлесообразность, и въ необходимость того, что происходитъ вокругъ, но какое мнѣ дѣло до этой необходимости, зачѣмъ пропадать моему я?“ И во имя этого этического индивидуализма Чеховъ рѣзко осуждаетъ знакомыя намъ анти-индивидуалистическія теоріи восьмидесятыхъ годовъ; въ „Крыжовникѣ“ это выражено особенно прямо и сильно, тамъ сведены послѣдніе счеты съ толстовствомъ, съ теоріей малыхъ дѣлъ и съ постепеновствомъ. Человѣку не три аршина земли нужно, — заявляетъ Чеховъ устами Чимши-Гималайскаго, — а весь земной шаръ, вся природа, какъ арена и поприще для проявленія его свободнаго духа. И мало утѣшенія въ томъ, что будущія поколѣнія воспользуются дарами свободы: они нужны мнѣ, они нужны сейчасъ, они нужны всякой человѣческой личности. „Свобода есть благо, говорилъ я, — рассказываетъ Гималайскій, — безъ нея нельзя, какъ безъ воздуха, но надо подождать. Да, я говорилъ такъ (возможно, что въ восьмидесятыхъ годахъ такъ говорилъ и самъ Чеховъ), а теперь спрашиваю: во имя чего ждать?... во имя чего ждать, я васъ спрашиваю? Во имя какихъ соображе-

ній? Мнѣ говорятъ, что не все сразу, всякая идея осуществляется въ жизни постепенно, въ свое время. Но кто это говорить? Гдѣ доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядокъ вещей, на законность явленій, но есть ли порядокъ и законность въ томъ, что я, живой, мыслящій человѣкъ стою надъ ровомъ и жду, когда онъ зарастетъ самъ, или затынетъ его иломъ, въ то время какъ, быть можетъ, я могъ бы перескочить черезъ него или построить черезъ него мостъ? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нѣтъ силъ жить, а между тѣмъ жить нужно и хочется жить!“

Таковъ похоронный звонъ Чехова надъ идеалами эпохи общественнаго мѣщанства... *Requiescant in pace!* Но трудно не замѣтить, что этотъ похоронный звонъ еще въ большей степени относится къ шигалевскимъ идеаламъ Чехова, къ его восторгамъ передъ красотою жизни будущаго; своимъ яркимъ этическимъ индивидуализмомъ Чеховъ хоронитъ свою же плоско-позитивную вѣру въ прогрессъ: десница побѣждаетъ шуйцу. Но эта побѣда не спасала Чехова отъ раздвоенія: онъ не могъ отказаться отъ своей вѣры въ прогрессъ, такъ какъ именно эта вѣра спасла его отъ абсолютнаго пессимизма первой половины его дѣятельности, отъ ужаса передъ мѣщанствомъ жизни; съ другой стороны, и самая эта вѣра его не удовлетворяла, или удовлетворяла только отчасти, какъ это мы видѣли выше, а потому грустныя, пессимистическія ноты остались до конца доминирующими въ творчествѣ Чехова. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ сознанию, что человѣческая жизнь должна быть прекрасна не черезъ двѣсти-триста лѣтъ, а теперь, немедленно же—къ тому же сознанию, къ которому за полъ-вѣка до него пришелъ Лермонтовъ (см. т. I, гл. IV). Однако и Лермонтовъ и Чеховъ этимъ признаніемъ не побѣдили своего ужаса передъ мѣщанствомъ жизни и не спаслись отъ своего раздвоенія; ихъ рѣшеніе оставалось абстрактнымъ и схематичнымъ. Преемникъ Чехова, Максимъ Горькій, попытался придать этому абстрактному положенію плоть и кости и обозначить тѣ условія, которыя теперь же немедленно могутъ сдѣлать жизнь красочной, сильной, яркой и красивой.

М. Горькій появился на рубежѣ между восьмидесятыми и девяностыми годами: первые рассказы его относятся къ 1891—92 гг. Мы уже сказали, что это было время распространенія новаго міровоззрѣнія, которое рѣзко порывало съ традиціями эпохи общественнаго мѣщанства. Послѣ страшнаго голоднаго 1891—92 года русское общество пробудилось отъ мертвой и позорной спячки. Теорія

малыхъ дѣлъ и постепенности была выброшена за бортъ, толстовство пошло на убыль. Именно къ этому времени относится разрывъ съ толстовствомъ Чехова и его стремленіе къ чему-то новому, свѣтлому, необыденному. Свое настроеніе Чеховъ мѣтко и пронизательно выразилъ въ часто цитированномъ нами выше отрывкѣ изъ письма 1894 г. Заявивъ о своемъ разрывѣ съ толстовствомъ, онъ прибавляетъ: „лихорадящимъ больнымъ ѣсть не хочется, но чего-то хочется, и они это свое неопредѣленное желаніе выражаютъ такъ—чего-нибудь кисленькаго. Такъ и мнѣ хочется чего-то кисленькаго. И это не случайно, такъ какъ точно такое настроеніе я замѣчаю кругомъ“... Далѣе Чеховъ предсказываетъ, что русскіе люди снова переживутъ шестидесятые годы съ ихъ увлеченіемъ естественными науками, такъ что снова „матеріалистическое движеніе будетъ моднымъ“... Дѣйствительно, девяностые годы наполовину оправдали предвидѣніе Чехова, и хотя естественныя науки не выступили на первый планъ, однако именно матеріалистическое—и притомъ грубоматеріалистическое—міропониманіе характеризуетъ собою послѣднее десятилѣтіе XIX-го вѣка. Что же касается „чего-то кисленькаго“, освѣжающаго, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ литературѣ девяностыхъ годовъ такимъ элементомъ явился именно М. Горькій...

Въ пессимистическую, проникнутую духомъ отчаянья и невѣрія литературу эпохи общественнаго мѣщанства Горькій внесъ живую, бодрящую струю вѣры въ жизнь, вѣры въ силы человѣка. Первые его рассказы относятся къ тому самому времени, когда Чеховъ впервые бросилъ вызовъ философіи мѣщанства и впервые заговорилъ о красотѣ и жадѣ жизни („Палата № 6“, „Рассказъ неизвѣстнаго человѣка“ и др.). Но въ это время Горькій, сотрудникъ небольшой провинціальной газеты, не былъ еще извѣстенъ широкимъ кругамъ читающей публики; начало его извѣстности относится къ 1895 г. (появленіе „Челкаша“ на страницахъ „Русскаго Богатства“): такимъ образомъ Горькій началъ работать одновременно съ появленіемъ въ русской жизни марксистовъ. У нихъ была одна общая основная черта: оптимизмъ былъ присущъ въ равной мѣрѣ и марксистамъ и Горькому, и, быть можетъ, именно потому на долю ихъ выпалъ такой головокружительный успѣхъ. Конечно, громадное литературное дарованіе Горькаго всегда бы пробило себѣ дорогу и увѣнчалось успѣхомъ, но вѣдь въ девяностыхъ годахъ не одинъ ореолъ успѣха окружалъ имя Горькаго: на него смотрѣли какъ на вождя интеллигенціи, какъ на пророка новаго откровенія. Молодое поколѣніе девяностыхъ годовъ, измученное соціологическимъ песси-

мизмомъ народничества, убогимъ мѣщанствомъ восьмидесятниковъ, безпросвѣтнымъ страхомъ жизни Чехова — съ жадностью приныкло запекшимися устами къ бьющему обильной струей свѣжему и бодрому оптимизму Горькаго, оптимизму человѣка, котораго не задавили ни годы нужды и лишеній, ни муки возмущенной чести, ни страданія тѣла и души. Если даже этотъ человѣкъ, вынесшій такъ безконечно много, смотреть на жизнь такъ бодро, съ такой горячей вѣрой, то неужели намъ не побѣдить общественнаго мѣщанства, неужели намъ, испытавшимъ сотую долю его страданій, не завоевать новую и свѣтлую жизнь! „Неправда, что жизнь мрачна, неправда, что въ ней только язвы да стоны, горе и слезы!.. Въ ней не только пошлое, но и героическое, не только грязное, но и свѣтлое, чарующее, красивое. Въ ней есть все, что захочетъ найти человѣкъ, а въ немъ — есть сила создать то, чего нѣтъ въ ней! Этой силы мало сегодня, — она разовьется завтра! Жизнь — прекрасна, жизнь — величественное, неукротимое движеніе ко всеобщему счастью и радости. Я вѣрю въ это, я не могу не вѣрить въ это! Я прошелъ тяжелый путь... никто изъ васъ и даже всѣ вы вмѣстѣ не знали столько горя, страданій и униженій, какъ я зналъ! О, да, я — зналъ!.. Но — жизнь прекрасна!..“ Это слова Шебуева (въ „Мужикѣ“), но развѣ не съ такими же именно словами обратился и самъ Горькій ко всей русской интеллигенціи, развѣ не въ этомъ именно Standpunktъ всѣхъ его произведеній девяностыхъ годовъ? И въ этихъ словахъ его былъ залогъ его успѣха... Повторилось буквально то же, что и съ проповѣдью марксизма: яркій оптимизмъ его привлекъ къ себѣ сердца измученныхъ людей... Вотъ почему и Горькій является главнѣйшимъ выразителемъ надеждъ, чаяній и ожиданій послѣдняго десятилѣтія XIX-го вѣка.

Однако мы впали бы въ грубѣйшую ошибку, если бы, основываясь на всемъ вышеизложенномъ, причислили Горькаго къ лику марксистовъ девяностыхъ годовъ, или сочли бы его ихъ союзникомъ. Правда, между ними были точки соприкосновенія, и вполнѣдствіи даже Горькій, какъ мы это увидимъ, дѣйствительно „увѣровалъ въ марксизмъ“. Оптимизмъ Горькаго, его ярко выраженная симпатія къ сильнымъ людямъ, его отрицательное отношеніе къ интеллигенціи, его идеализація пролетаріата — именно того класса, на который марксисты возлагали всѣ свои надежды — все это, конечно, роднило художественное творчество Горькаго съ теоретическими построеніями марксизма: недаромъ же Горькій послѣ двухъ-трехъ рассказовъ перешелъ изъ „Русскаго Богатства“ въ „Новое Слово“, „Начало“

и „Жизнь“. Но въ то же самое время основная точка зрѣнія Горькаго на жизнь настолько расходилась съ теоретическими основами марксизма, что Горькій, быть можетъ неожиданно для самого себя, послужилъ надежнѣйшимъ ферментомъ разложенія того ученія, которое взяло его подъ свое заботливое попеченіе. Достаточно вспомнить для этого хотя бы рассказъ Горькаго „Читатель“. Въ немъ Горькій отъ своего лица, отъ лица своей совѣсти возстаетъ противъ непреложныхъ законовъ дѣйствительности, создаваемыхъ самимъ человѣкомъ, противъ оскудѣнія идеаловъ, противъ умерщвленія въ человѣкѣ духа творчества. „Мы, кажется, снова хотимъ грѣзь, красивыхъ вымысловъ, мечты и странностей, ибо жизнь, созданная нами, бѣдна красками, тускла, скучна! Дѣйствительность, которую мы когда-то такъ горячо хотѣли перестроить, сломала и смяла насъ...—такъ говоритъ намъ alter ego Горькаго.—...Человѣкъ теперь не царь земли, а рабъ жизни, утратилъ онъ гордость своимъ первородствомъ, преклоняясь передъ фактами, не такъ ли? Изъ фактовъ, созданныхъ имъ, онъ дѣлаетъ выводъ и говоритъ себѣ: вотъ непреложный законъ! И подчиняясь этому закону, онъ не замѣчаетъ, что ставить себѣ преграду на пути къ свободному творчеству жизни, въ борьбѣ за свое право ломать для того, чтобы создавать“... И такія рѣчи печатались на страницахъ марксистскаго журнала, въ той же книжкѣ, на тѣхъ же листахъ формулировавшаго непреложные законы, отрицавшаго всякое проявленіе свободного творчества жизни!..

Итакъ, Горькій такой же глашатай марксизма, какъ Чеховъ—проповѣдникъ идеаловъ эпохи общественнаго мѣщанства... Едва ли кто-нибудь будетъ отстаивать теперь такія безнадежныя положенія; это не мѣшаетъ однако и Чехову и Горькому быть тѣсно связанными каждому со своей эпохой: такъ же, какъ Чеховъ необъяснимъ внѣ эпохи общественнаго мѣщанства, такъ и Горькій понятенъ только въ атмосферѣ девяностыхъ годовъ. Крайнее анти-мѣщанство Чехова находитъ свое объясненіе въ крайнемъ мѣщанствѣ его эпохи; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что въ эпоху, быть можетъ наиболѣе анти-индивидуалистическую (соціологически и этически) изъ всего XIX-го столѣтія, въ русской жизни появился Горькій, одинъ изъ наиболѣе крайнихъ индивидуалистовъ во всей русской литературѣ.

Необходимо, однако, оговориться; необходимо указать, что у Горькаго, подобно Чехову, есть различные періоды взглядовъ, воззрѣній и симпатій. Мы различаемъ два періода въ литературномъ творествѣ Горькаго и границей между ними служитъ именно ци-

тированный нами выше рассказ „Читатель“ (1898 г.), играющий роль водораздѣльной линіи въ стремнинахъ и высотахъ творчества нашего автора. Съ начала своей дѣятельности и приблизительно до 1898 года Горькій идетъ отъ соціологическаго и этическаго ультраиндивидуализма къ все болѣе и болѣе ярко проступающей общест-венности; онъ преодолеваетъ, наконецъ, свой ультраиндивидуализмъ и во второмъ періодѣ своей дѣятельности (1898—1904 г.) приходитъ къ соціологическому индивидуализму. Но зато, въ томъ же второмъ періодѣ, все сильнѣе и сильнѣе вырисовывается въ творчествѣ Горькаго этической антииндивидуализмъ, достигающій полной силы и рельефной наглядности въ послѣднихъ произведеніяхъ конца XIX-го вѣка.

Герои первыхъ рассказовъ Горькаго—всѣ эти Зобары, Радды, Ларры, Данко—яркіе и крайніе индивидуалисты, настолько крайніе, что ультраиндивидуализмъ ихъ переходитъ въ антииндивидуализмъ. Представители красоты, силы и свободы въ человѣкѣ, они кончаютъ тѣмъ, что пытаются захватить эту силу и свободу въ свое единичное пользованіе, а всѣмъ остальнымъ людямъ предоставить роль рабовъ, смиренно подставляющихъ шею подъ ярмо. Мы уже не разъ имѣли случай подчеркивать, что такой эгоизмъ есть въ сущности антииндивидуализмъ, хотя и пытается разукрасить себя звонкими погремушками ультраиндивидуализма. Интересно отмѣтить, что Горькій очень скоро отдѣлался отъ преклоненія передъ этой философией ультраиндивидуализма и отдалъ дань ей только въ своихъ самыхъ первыхъ рассказахъ. Въ „Макаръ Чудръ“ (1892 г.) онъ рисуетъ намъ столкновение двухъ одинаково сильныхъ, одинаково свободныхъ представителей крайняго индивидуализма, Радды и Зобара, которое неизбѣжно должно окончиться трагически именно потому, что и для Радды и для Зобара ихъ „я“ стоитъ выше всего на свѣтѣ и требуетъ подчиненія себѣ всякаго другого „я“. Зобаръ беретъ Радду въ жены и думаетъ этимъ покорить ея волю—своей, ея силу—своей силѣ, ея свободу обратить въ рабство. „...Смотри, волѣ моей не перечь—предостерегаетъ онъ ее:—я все-таки свободный человѣкъ и буду жить такъ, какъ я хочу!..“ Отвѣтъ Радды не трудно предугадать: она требуетъ, напротивъ, чтобы Зобаръ вполнѣ покорился ей; онъ долженъ отрѣшиться отъ своей воли, отъ своей силы и свободы. „Поклонись мнѣ въ ноги передъ всѣмъ таборомъ и поцѣлуй правую руку мою—и тогда я буду твоей женой!..“ Конечно, оба они погибаютъ, такъ какъ не могутъ ни покориться другъ другу, ни отказаться

другъ отъ друга; и Горькій окружаетъ память этихъ героев поэтическимъ ореоломъ. Онъ не ищетъ выхода изъ подобной коллизіи ультра-индивидуализма, онъ не спрашиваетъ себя—что дѣлать, чтобы ультра-индивидуализмъ, воплощенный въ сильныхъ людяхъ, не уничтожалъ самъ себя, не поглощалъ себя собою? Его философія жизни повидимому та, что въ подобнаго рода столкновенияхъ сильный одержитъ верхъ надъ слабымъ, вслѣдствіе чего получится разрядъ людей-господъ и людей-рабовъ; если сойдутся въ равномъ спорѣ двѣ равносильныя индивидуальности, то онѣ погибнутъ въ борьбѣ, поглотятъ другъ друга взаимно, какъ тѣ знаменитые два льва, которые съѣли другъ друга безъ остатка... Пусть гибнутъ—что за бѣда? И вся мораль исторіи Радды и Зобара выражена авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: идишь ты, ну, и иди твоимъ путемъ, не сворачивая въ сторону. Прямо и иди. Можетъ, и загниешь даромъ "... Культъ силы, характерный для Горькаго, прорывается вполнѣ ясно уже и въ этомъ рассказѣ; о культѣ этомъ рѣчь впереди, а теперь прослѣдимъ за дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ Горькаго.

Ошибочно было бы думать, что дѣленіе людей на господъ и рабовъ имѣетъ у Горькаго исключительно ультра-индивидуалистическій смыслъ, ультра-индивидуалистическій снаружи и анти-индивидуалистическій по существу. Вѣдь подраздѣленіе это отнюдь не ограничивается взаимными отношеніями людей, дѣло не въ томъ, что люди-рабы порабощены людьми-господами: дѣло идетъ о господахъ и рабахъ жизни. Побѣда здѣсь не всегда тождественна съ порабощеніемъ, иногда даже наоборотъ: въ одномъ изъ своихъ произведеній Горькій называетъ побѣдителемъ не того, кто достигъ цѣли, а того, кто палъ въ борьбѣ за побѣду:

Кто честно смерть пріялъ въ бою,
Тотъ развѣ палъ и побѣжденъ?
Палъ тотъ, кто, робко грудь свою
Прикрывъ, ушелъ изъ битвы вонъ“...

(„О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ—любителѣ истины“, 1892 г.). Мысль эта намѣчена также въ рассказѣ „Старуха Изергиль“ (1895 г.), въ эпизодѣ о горящемъ сердцѣ Данко. Данко—господинъ жизни, но, для людей онъ разорвалъ руками свою грудь и освѣтилъ горящимъ сердцемъ своимъ дорогу къ лучшему будущему человѣчества. Въ этомъ же рассказѣ Горькій рѣзко осуждаетъ тотъ крайній индивидуализмъ, который сводится въ концѣ концовъ въ

обожествленію только своего „я“: Зобарь и Радда погубили другъ друга, а Ларра гибнетъ самъ отъ себя, гибнетъ отъ своей свободы и силы... Здѣсь Горькій въ своемъ индивидуализмѣ соприкасается (хотя и поверхностно) съ основнымъ мотивомъ индивидуализма Достоевскаго—вспомнимъ Кириллова, гибнущаго подъ тяжестью отрывшейся предъ нимъ безмѣрной свободы.

И дальше творчество Горькаго идетъ въ томъ же направленіи. Онъ постепенно отказывается отъ крайностей этико-соціологическаго ультра-индивидуализма, хотя и сохраняетъ свою любовь къ силѣ, къ сильному, гордому, свободному человѣку, властелину жизни. Онъ не признаетъ связующаго человѣческую личность начала—и готовъ уважать силу и свободу даже въ какомъ-нибудь „кнзѣ“ Шакро Птадзе. „Кто силенъ, тотъ самъ себѣ законъ“—такова философія Шакро; „онъ умѣлъ быть вѣрнымъ самому себѣ. Это возбуждало во мнѣ уваженіе къ нему“,—прибавляетъ Горькій. „Этотъ „человѣкъ-стихія“ въ высшей степени интересенъ Горькому, какъ дикій, жестокій, но цѣльный и сильный человѣкъ; рядъ такихъ людей, изъ которыхъ каждый—стихія, съ замѣчательной силой обрисованъ Горькимъ въ разсказахъ „Мой спутникъ“, „На плотахъ“, „Ханъ и его сынъ“, „Варенька Олесова“ и др. (1896—1897 гг.). Но ставя на видъ силу и цѣльность этихъ людей, Горькій отнюдь не идеализируетъ ихъ, какъ идеализировалъ раньше Радду или Зобара; онъ восхищается непосредственностью Вареньки Олесовой, цѣльностью князя Шакро, грубой силой и любовью къ жизни Силана Петрова, но въ то же время онъ не скрываетъ отъ себя и отрицательныхъ сторонъ своихъ героевъ. Правда, онъ и эти отрицательныя стороны предпочитаетъ сѣрому мѣщанству жизни, но зато не идеализируетъ ихъ безотносительно. Наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше подчеркиваетъ онъ несимпатичныя ему черты ультра-индивидуализма, отмѣчая ихъ не только въ разныхъ театральныхъ герояхъ, въ родѣ Ларры, или людяхъ-стихіяхъ, въ родѣ князя Шакро, но и во всѣхъ своихъ босякахъ, типахъ особенно симпатичныхъ Горькому.

Для Горькаго „босякъ“, конечно, не идеаль, но иллюстрація къ анти-мѣщанскимъ идеаламъ жизни. Въ босякѣ Горькаго подкупаетъ его полная свобода, его независимость отъ узкихъ и душныхъ формъ жизни современнаго культурнаго человѣчества. Конечно, всѣ босяки у Горькаго ультра-индивидуалисты, вполне и непримиримо-враждующіе со всякими формами общественности; для нихъ нѣтъ преградъ, нѣтъ стѣсненій, разъ дѣло идетъ объ ихъ личности. „...Я не стѣсняюсь...—заявляетъ одинъ изъ нихъ:—зачѣмъ бы мнѣ это?

Ради какихъ законовъ, я спрашиваю? Нѣтъ законовъ иныхъ, развѣ во мнѣ!..“ Морально или не морально поступаю я, разсуждаетъ онъ далѣе, какое мнѣ до этого дѣло? Я причину кому-нибудь страданія—что-жъ изъ этого?—вѣдь и послѣ этого небо будетъ голу-бымъ, а море соленымъ “... („Проходимецъ“, 1898 г.). „Что же?—волкъ правъ“...—замѣчаетъ по этому поводу Горькій. Волкъ, конечно, правъ: нельзя требовать морали долга отъ человѣка, лишеннаго всѣхъ нравственныхъ правъ состоянія. Кто и что осудилъ босяковъ на безысходное прозябаніе „на днѣ“—объ этомъ послѣ; теперь же надо замѣтить, что, считая босяковъ олицетвореніемъ протеста противъ мѣщанства современной культуры, глубоко цѣня ихъ любовь свободы, ихъ независимость отъ условій мѣщанской жизни, Горькій въ то же самое время прекрасно видитъ, что на трехъ-четырехъ свободныхъ представителей этихъ „бывшихъ людей“ приходится цѣлая толпа босяковъ, нисколько не лучшихъ мѣщанъ высшихъ слоевъ общества. Правда, онъ останавливался въ своихъ произведеніяхъ именно на этихъ немногихъ лучшихъ изъ бывшихъ людей, противопоставляя ихъ мѣщанству; но отсюда еще далеко до утвержденія, что Горькій идеализировалъ босяковъ, какъ классъ. Еще въ 1895 г., когда Горькій сотрудничалъ въ „Самарской газетѣ“ въ качествѣ простаго хроникера, онъ неоднократно и въ рѣзкой формѣ дѣлалъ вылазки противъ почтеннаго класса самарскихъ босяковъ, именуемыхъ тамъ почему-то „горчишниками“ (См. статьи Горькаго въ этой газетѣ подъ псевдонимомъ „Іегудилъ Хламида“)..

Какъ бы то ни было, но въ типахъ босяковъ Горькій хотѣлъ главнымъ образомъ нарисовать жизнь діаметрально-противоположную мѣщанству обыденности; въ этомъ, а не въ ультра-индивидуализмѣ босяковъ для насъ главное значеніе этого типа. Во всякомъ случаѣ послѣ 1898 г. именно въ эту сторону направляетъ все свое вниманіе самъ Горькій; быть можетъ, сюда толкнуло его желаніе осмыслить, объяснить сущность тѣхъ типовъ, которые были даны въ предыдущихъ его рассказахъ, типовъ босяковъ, типовъ людей неудовлетворяемыхъ настоящимъ и вѣчно алчущихъ и жаждущихъ лучшаго или худшаго, но во всякомъ случаѣ новаго и необыденнаго. Лучшіе изъ лишнихъ людей добраго стараго времени принадлежали именно къ этому типу; главные герои Горькаго—это *лишніе люди конца XIX-го вѣка*. Они неизмѣримо выше жалкихъ „промежуточныхъ людей“ эпохи общественнаго мѣщанства—Горькій настойчиво выясняетъ это, проводя между ними постоянныя параллели; но въ то же время они еще не достигли той гармоніи духа,

которая является у людей; перешагнувших и через аккуратное самодовольство мѣщанства, и через беспорядочное недовольство и стремленіе лишнихъ людей. Вопросъ о мѣщанахъ и лишнихъ людяхъ является такимъ образомъ той осью, вокругъ которой обращаются всѣ мысли Горькаго въ года, слѣдующіе за написаніемъ „Читателя“: къ этой эпохѣ относятся большія повѣсти Горькаго— „Өома Гордѣвъ“ (1899 г.), „Трое“ (1900 г.) и другія произведенія.

„...Большинство людей—пяточки, ходовая монета... и вся разнида между ними въ годахъ чеканки. Этотъ—стерть, этотъ—поношенъ, но цѣна имъ одна, матеріалъ ихъ одинаковъ и во всемъ они тошнотворно схожи другъ съ другомъ“... Такъ говоритъ еще „Проходимецъ“, съ которымъ мы только-что познакомились выше. „Но на свѣтѣ есть особый родъ людей,—заявляетъ онъ же,—родившихся, должно быть, отъ Вѣчнаго Жида. Особенность ихъ въ томъ, что они никакъ не могутъ найти себѣ на землѣ мѣста и прикрѣпиться къ нему. Внутри нихъ живетъ тревожный зудъ, желаніе чего-то новаго... мелкіе изъ нихъ никогда не могутъ выбрать штановъ по вкусу, и отъ этого всегда неудовлетворены и несчастны, крупныхъ ничто не удовлетворяетъ—ни деньги, ни женщины, ни почетъ“... Эти слова Горькій могъ бы выбрать эпиграфомъ къ „Өомѣ Гордѣву“ и къ „Трое“.

Өома Гордѣвъ—лишній человѣкъ. На фонѣ безпросвѣтнаго мѣщанства нашей россійской буржуазіи вспыхиваетъ и сгораетъ его безтольковая жизнь. Къ мѣщанству сословному, къ буржуазіи, къ купечеству герой Горькаго и самъ онъ относятся съ непримиримой ненавистью. Можно не преувеличивая сказать, что самъ Горькій смотритъ на купца глазами Аристиды Кувалды изъ „Бывшихъ людей“. Купецъ Іуда Петунниковъ—вотъ типъ русскаго купца, типъ безпросвѣтно темный, окрашенный, быть можетъ, слишкомъ по-судальски—однотонно и грубой кистью. Купецъ стремится къ свѣту, къ образованію—Горькій сейчасъ же знакомитъ насъ со Смолинымъ, Тарасомъ Маякинымъ или молодымъ Петунниковымъ: все это „молоденькіе паучки“, еще болѣе страшные темной массѣ, чѣмъ ихъ непросвѣщенные отцы. Купецъ жертвуетъ десятки тысячъ на общее благо—Горькій сейчасъ же поясняетъ устами главнаго героя: „заглотался, подавился старый волкъ! Смерть чувствуетъ и подло трусить... га-адина!“ („Мужикъ“).

Таковъ же въ общихъ чертахъ и обликъ старика Маякина въ „Өомѣ Гордѣвъ“; быть можетъ, это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ типовъ, когда-либо созданныхъ Горькимъ. Маякинъ—это совре-

менный Великій Инквизиторъ въ миниатюрѣ; его стремленіе, его цѣль — обезличить всѣхъ и вся, привести все къ одному знаменателю, устроить на землѣ жизнь путемъ лишенія человѣчества силы и свободы. Свобода непереносима для человѣка, даже для самаго сильного и свободолюбиваго, въ родѣ Ларры; но съ другой стороны лишеніе человѣка свободы вызываетъ его протестъ и противодѣйствіе. Какъ же быть? Теорія Маякина такова: „ужъ коли настало такое время, что всякій шибзидиъ полагаетъ про себя, будто онъ — все можетъ и сотворенъ для полного распоряженія жизнью — дать ему, стервецу, свободу! На, сукинъ сынъ, живи! Ну-ка, живи! А-а! Тогда воспослѣдуетъ такая комедія: почувавъ, что узда съ него снята, зарвется человѣкъ выше своихъ ушей и перомъ полетитъ и туда и сюда... Чудотворцемъ себя возомнитъ и начнетъ онъ тогда свой духъ испущать... А духа этого самаго, строительнаго, со-овсѣмъ въ немъ малая толика! Попыжится это онъ день-другой, потопорщится во всѣ стороны и — въ скорости ослабнетъ, бѣдненькій! Сердцевина-то гнилая въ немъ... хе-хе-хе! Ту-уть его, — хе-хе-хе! — голубчика и поймають настоящіе, достойные люди, тѣ настоящіе люди, которые могутъ... дѣйствительными штатскими хозяевами жизни быть... которые будутъ жизнью править не палкой, не перомъ, а пальцемъ да умомъ. Что, скажутъ, устали, господа? Что, скажутъ, не терпитъ селезенка настоящего-то жару? Та-акъ-съ... Ну, такъ теперь вы, такіе-сякіе, — молчать и не пищать! А то, какъ червей съ дерева страхнемъ васъ съ земли! Цыцъ, голубчики! Хе-хе-хе!... Ну и тогда-то вотъ тѣ, которые верхъ въ сумятицѣ возьмутъ, — жизнь на свой лады, по умному и устроятъ... Не шала-валя пойдетъ дѣло, а какъ по нотамъ!“

Этическій анти-индивидуализмъ приводитъ къ этическому мѣщанству — мы это имѣли случай замѣтить еще по поводу теорій Великаго Инквизитора. Конечно, мелкому мѣщанину Маякину далеко до средневѣкового іезуита, чуть-ли не олицетворенія „умнаго духа пустыни“, но въ результатахъ оба они буквально сходятся. Намъ не должны удивлять поэтому ни этическій анти-индивидуализмъ, ни мѣщанство Маякина; вѣдь и самъ онъ если не великій, то, во всякомъ случаѣ, малый инквизиторъ. „...Ежели видимъ мы, — проповѣдуетъ этотъ малый инквизиторъ, — что, взявъ разныхъ людей, сгоняють ихъ въ одно мѣсто и внушаютъ всѣмъ имъ тамъ одно мнѣніе — должны мы признать, что это умно... Потому — что такое человѣкъ въ государствѣ? Не больше, какъ простой кирпичъ, а всѣ кирпичи должны быть одной мѣры... понялъ? И людей, которые всѣ

одинаковой высоты и вѣса, — какъ я хочу, такъ и положу "... — „Кому же пріятно кирпичемъ-то быть“, хмуро возражаетъ Ома, на что Маякинъ побѣдоносно замѣчаетъ: „рѣчь не о пріятномъ, а о дѣлѣ“... „...Никому до этого дѣла нѣтъ“, — разсуждаетъ онъ въ другомъ случаѣ, но по такому же поводу, т.-е. никому нѣтъ дѣла до того, пріятно ли что-либо личности, мучительно ли ей, плохо ли, хорошо ли: важно только общее, въ которомъ частности сливаются въ одно нераздѣлимое цѣлое. „Вотъ и штаны твои, навѣрно, такъ же разсуждаютъ, — иронизируетъ онъ далѣе: — какое намъ дѣло до того, что на свѣтѣ всякой матеріи сколько угодно? Но ты ихъ не слушаешь — износишь да и бросишь“... Кирпичъ, человѣческая личность, штаны — все это предметы одинаковой цѣнности для этическаго мѣщанина и анти-индивидуалиста, по крайней мѣрѣ одинаковаго качественного значенія; все дѣло въ количественной разницѣ. Человѣкъ — капиталъ, назначеніе его — быть пущеннымъ въ дѣло и принести этимъ пользу общему: „пущень онъ въ обращеніе и долженъ для жизни проценты принести“; но при этомъ онъ не смѣетъ выйти изъ той сферы обращенія, которая для него назначена жизнью. „Если ты трубочистъ — лѣзь, сукинъ сынъ, на крышу!.. Пожарный — стой на каланчѣ! И всякій родъ человѣка долженъ имѣть свой порядокъ въ жизни... Телятамъ же по-медвѣжьки не ревьтъ! Живешь ты своей жизнью и — живи! И не лопочи, не лѣзь, куда не надо тебѣ“... („Ома Гордѣевъ“, стр. 205, 107 — 8, 169, 238 и др.).

Вотъ онъ современный инквизиторъ во весь свой малый ростъ. И когда, въ заключительной сценѣ романа, онъ осмѣливается приписать себѣ и приснымъ своимъ, російской буржуазіи, все „устройство жизни“; когда себя и присныхъ своихъ онъ называетъ „культурными“, ибо „мы-то и имѣемъ въ себѣ настоящій культъ къ жизни, т.-е. обожаніе жизни, а не они (интеллигенція)! Они сужденіе возлюбили, мы же — дѣйствіе“; когда мы слышимъ все это изъ устъ малаго инквизитора, то намъ понятно жгучее озлобленіе Омы, которымъ онъ отвѣчаетъ на самодовольную похвалбу мѣщанства и анти-индивидуализма. „...Говорилось тутъ, что вы это жизнь дѣлали... и что вы сдѣлали самое настоящее и вѣрное... О, с-сволочи!... Что вы сдѣлали? Не жизнь вы сдѣлали — тюрьму... Не порядокъ вы устроили — цѣпи на человѣка выковали... Душно, тѣсно, повернуться негдѣ живой душѣ... погибаетъ человѣкъ!.. Душегубы вы... Понимаете ли, что только терпѣніемъ человѣческимъ вы живы“?

Но все это мѣщанство, весь этотъ анти-индивидуализмъ только фонъ, на которомъ вырисовывается мятушаяся и не находящая себѣ

мѣста, могучая и слабая фигура Оома Гордѣва. Передъ нами вѣчный типъ лишняго человѣка, типъ вѣковой и всемірный, но особенно часто встрѣчающійся именно въ эпохи официальнаго и общественнаго мѣщанства, рѣзче и ярче всего проявляющійся именно на фонѣ окружающаго его мѣщанства жизни. Таковъ и Оома. Съ мѣщанствомъ мириться онъ не хочетъ, найти дорогу въ жизни онъ не можетъ, и чувствуетъ поэтому, что нѣтъ ему мѣста въ жизни.

„...Лишнее все въ насъ... въ душѣ лишнее... и вся жизнь наша — лишняя! Братцы! Я плачу... на что меня нужно? Не нужно меня!... — такъ въ пьяномъ экстазѣ изливается Оома, а трезвый онъ угрюмо обсуждаетъ ту же тему: „Гдѣ же мое мѣсто? Гдѣ мое дѣло?... Али я уродъ какой? У меня силы не меньше, чѣмъ у любого... На что же она. мнѣ?...“ Но онъ ошибается: онъ — не сильный человѣкъ, и въ этомъ трагедія его жизни. Подобно всѣмъ лишнимъ людямъ онъ бессильно виситъ, какъ гробъ Магомета, между зенитомъ и надиромъ; подобно всѣмъ лишнимъ людямъ онъ является ни павой, ни вороной, чѣмъ-то среднимъ пропорціональнымъ между мѣщанствомъ и индивидуализмомъ. Съ одной стороны его давитъ мѣщанство и онъ старается столкнуть съ себя давящую его тяжесть; онъ далеко не мѣщанинъ. „Всѣ живутъ себѣ... вертятся, суетятся, имѣютъ каждый свой пунктъ... А мнѣ — скучно“, заявляетъ онъ.

„Мнѣ темно и тѣсно... чувствую я — валится на плечи мнѣ ноша, а что она? — понять я не могу... Стѣсняетъ... и не имѣю я отъ этого настоящаго ходу по жизни“... „Нар-родъ! Какъ дерево... Живутъ тоже... а какъ? Никто не понимаетъ. Лѣзутъ куда-то... и ничего ни себѣ, ни другому сказать не могутъ“... Но найти дорогу прочь отъ мѣщанства Оома не въ состояніи, для этого онъ слишкомъ слабый человѣкъ. Ему удалось стряхнуть съ себя иго мѣщанства, но въ открытой передъ нимъ свободѣ онъ и погибаетъ, погибаетъ именно такъ, какъ это должно случиться по теоріи Маякина; онъ не въ силахъ выработать изъ себя личность и гибнетъ подъ бременемъ свободы. „Какое все разное... — грустно думаетъ онъ: — и люди, и женщины... и чувствуешь всегда разное“... Въ этомъ хаосѣ многообразія онъ не находитъ опорнаго пункта. „Я хочу быть личностью... — заявляетъ Люба Маякина: — я личность, потому что уже понимаю, какъ скверно устроена жизнь“... Оома, быть можетъ, еще интенсивнѣе ея чувствуетъ, какъ скверно устроена жизнь, но это не помогло ему почувствовать себя личностью, не помогло ему найти себѣ самоопредѣленіе. Онъ не можетъ возвыситься до какой-либо обобщающей идеи, онъ не можетъ найти

„оправданіе“ человѣческой жизни. Горькій не находитъ выхода для своего героя — и для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ эти два мучительные года перелома своихъ воззрѣній (1898—1900 гг.) онъ не находилъ выхода и для самого себя. „Я самъ еще не знаю, чего мнѣ надо“ — говоритъ Оома, и эти слова характеризуютъ настроеніе самого Горькаго этой эпохи.

Однако нельзя всю жизнь висѣть между зенитомъ и надиромъ, нельзя остановиться и жить на какой-то мертвой точкѣ жизненнаго пути. Выходъ долженъ быть; впередъ или назадъ, но двигаться необходимо; впередъ — къ гармоничному синтезу индивидуализма съ общественностью, назадъ — къ узкому и плоскому мѣщанству обыденной жизни. Слѣдующее произведеніе Горькаго, повѣсть „Трое“ (1900 г.; не считаемъ неоконченнаго „Мужика“), отвѣчаетъ категорическимъ „нѣтъ!“ на второй путь рѣшенія вопроса. Возвращенія къ мѣщанству быть не можетъ и не должно.

Илья Луневъ, центральное лицо этой повѣсти Горькаго, подобно Оомѣ Гордѣеву, отъ мѣщанства отсталъ, а къ индивидуализму не присталъ. Онъ имѣетъ свою личность, за что и терпитъ гоненіе въ мѣщанскомъ кругу. Служащій человѣкъ, поучаетъ его хозяинъ, купецъ Строганный, долженъ быть смиренъ и не имѣть своего запаха: „онъ живетъ на всемъ хозяйскомъ... У него умъ хозяйскій, честность тоже... А у тебя свое... Ну, это не порядокъ“. Илья Луневъ имѣетъ что-то свое, и это заставляетъ его мучительно искать свою дорогу въ жизни; дорогу эту онъ хочетъ найти въ примиреніи съ мѣщанствомъ, въ „чистой“ и „пріятной“ жизни, и въ результатѣ гибнетъ, оттого что хотѣлъ примириться съ мѣщанствомъ и удовлетвориться имъ.

Интересно прослѣдить какъ мало-по-малу онъ сознаетъ свою враждебность чистымъ и пріятнымъ идеаламъ мѣщанской жизни. Сначала „жизнь казалась ему простой, легкой и пріятной. Его мечты принимали тоже простыя и ясныя формы: онъ представлялъ себя черезъ нѣсколько лѣтъ хозяиномъ маленькой, чистенькой лавочки, гдѣ-нибудь на хорошей, не очень шумной улицѣ города... Вечеромъ, закрывъ лавку, онъ сидитъ въ чистой и свѣтлой комнатѣ рядомъ „съ ней“, пьетъ чай и читаетъ книжку“... Но уже первая встрѣча Лунева съ Грачевымъ, оборваннымъ, но жизнерадостнымъ рабочимъ, нисколько не завидующимъ чистой и пріятной жизни своего товарища, повергаетъ Лунева въ нѣкоторое недоумѣніе: онъ чувствуетъ себя оттолкнутымъ отъ мѣщанскаго берега... „И Илья съ непонятной ему тревогой въ душѣ подумалъ: неужели Грачевъ не хочетъ того, чего всѣ хотятъ? Чего можно хотѣть еще, кромѣ

чистой, спокойной, независимой жизни?..“ И постепенно онъ начинаетъ чувствовать, что его мечта о счастливомъ будущемъ выпѣла и слиняла, что „въ немъ же самомъ есть кто-то, не желающій открыть галантерейную лавочку. Но жизнь брала свое, и скоро этотъ кто-то опять скрывался въ глубь души“... Таково глубоко характерное „раздвоеніе“ Лунева, которое подчеркиваетъ самъ Горькій; объ этомъ своемъ раздвоеніи, замѣчаетъ онъ, Луневъ не любилъ говорить и думать... Но — „вотъ, наконецъ, мечта Ильи Лунева осуществилась“: онъ сталъ хозяиномъ галантерейной лавки. Первое время онъ совершенно доволенъ: „жизнь сразу стала пріятной, легкой, въ ней явился какой-то простой, ясный смыслъ“... „Ему нравился магазинъ, и нравился почти весь укладъ его жизни въ эти дни. По сравненію съ прежней эта жизнь была чище, спокойнѣй, свободнѣй. Но неужели онъ всегда будетъ жить вотъ такъ: съ утра до вечера торчать въ магазинѣ, потомъ наединѣ со своими думами сидѣть за самоваромъ и спать потомъ, а проснувшись, вновь идти въ магазинъ?..“ Въ немъ уже начинается раздвоеніе, таинственный „кто-то“ начинаетъ въ немъ свою разрушительную работу; Грачевъ справедливо замѣчаетъ Луневу, что этотъ „кто-то“ долженъ въ немъ побѣдить: „не такой у тебя характеръ, чтобы всю жизнь смирно въ мурѣ просидѣть. И ужъ навѣрно — или запынствуешь ты, или разоришься... что-нибудь должно произойти съ тобой“... И Луневъ скоро самъ начинаетъ понимать всю мерзость „чистой“ и „пріятной“ мѣщанской жизни... той самой жизни, которая съ такимъ обнаженнымъ простодушіемъ идеализирована въ картинѣ, висящей надъ кроватью Ильи.

Картина эта — образный символъ всего мѣщанства; читатель не поспѣетъ на насъ, если мы напомнимъ ему содержаніе этой картины — „Ступени человѣческаго вѣка“: въ ней краткое резюме всего того, что мы говорили о мѣщанствѣ на предыдущихъ страницахъ. На этой картинѣ просто и аккуратно размѣрена вся человѣческая жизнь. На первой ступени жизни передъ нами „первые шаги“ ребенка; пяти лѣтъ — онъ „играетъ“; десяти — онъ „ходитъ въ школу“, — и т. д., и т. д. „На вершинѣ лѣстницы онъ сидитъ въ красномъ креслѣ, читаетъ газету, а четверо дѣтей и жена слушаютъ его“; одѣты всѣ чисто и хорошо, лица у всѣхъ довольны... Затѣмъ человѣкъ нянчить своего внука, затѣмъ его „водятъ“ (ему уже 80 лѣтъ), наконецъ къ столѣтнему старцу приходитъ смерть — и этимъ оканчивается картина... Въ этомъ вся жизнь; остается принять ее и удовлетвориться ею... — „Илья поглядывалъ на картину,

и ему было приятно видѣть жизнь человѣка, размѣренную такъ аккуратно и просто...; онъ былъ увѣренъ, что на картинѣ мудро и понятно написана, для примѣра людямъ, настоящая жизнь, именно такъ написана, какъ она и должна идти "... Такъ думалъ Илья въ первое время, въ медовый мѣсяцъ своей торговли галантерейнымъ товаромъ; но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ, что „кто-то“ сидящій въ немъ возмущается этой аккуратной и простой жизнью. А когда однажды человѣкъ, котораго онъ цѣнилъ высоко, при взглядѣ на эту картину съ отвращеніемъ воскликнулъ: „Какая пошлость! Брр! Мѣщанство какое!“—то и самъ Луневъ ясно уразумѣлъ, наконецъ, что та жизнь, которая казалась ему идеаломъ, есть жалкое, слѣпое и бессмысленное прозябаніе. „Обманъ все это... Развѣ такъ живутъ?—думаетъ онъ теперь, разсматривая картину, и вдругъ безнадежно добавляетъ:—да и такъ если—тоже скука... Чисто, да не весело...“ И, насмѣшливо разглядывая аккуратно размѣренныя „Ступени человѣческаго вѣка“, онъ кончаетъ тѣмъ, что со злобой комкаетъ картину и бросаетъ ее подъ прилавокъ. Такъ онъ окончательно порываетъ съ мѣщанствомъ, которымъ тщетно пытался удовлетвориться всю свою жизнь. Двойникъ, „кто-то“—побѣдилъ. „Бросить надо все и—уйти...—рѣшаетъ теперь Луневъ:—чортъ съ ней, съ чистой жизнью... Никакая жизнь невозможна для меня... Брошу и уйду... Буду ходить... А здѣсь—окончательно погубишь себя...“ Но уже поздно: мѣщанская жизнь изломала его, у него нѣтъ силъ—какъ и у большинства героевъ Горькаго—измѣнить свою жизнь, найти ей новое направленіе; его хватаетъ только на то, на что хватило и Оомы Гордѣева: на злобное и рѣзкое обвиненіе мѣщанства, угашающаго душу живу современнаго человѣка. „Что вы за люди? зачѣмъ живете?—обращается онъ къ мѣщанамъ:—...чего вамъ надо? Я—порядочной жизни искалъ, чистой... нигдѣ ея нѣтъ! Только самъ испортился... Хорошему человѣку нельзя съ вами жить—сгнѣтъ. Вы хорошихъ людей до смерти забиваете... Я вотъ—злой, да и то среди васъ, какъ слабая кошка среди тысячи крысъ въ темномъ погребѣ... Вы—вездѣ... и судите, и рядите, и законы ставите... Гады, однако, вы...“ Это его послѣдній расчетъ съ мѣщанствомъ и съ мѣщанскою жизнью, послѣдній крикъ злобы и отчаянія, не находящихъ себѣ другого исхода. Луневъ могъ бы теперь примѣнить къ себѣ стихи своего товарища, Пашки Грачева:

...Устало сердце—
Все нѣтъ пути!

Земля родная!
Хоть ты скажи мнѣ--
Куда идти?

Но идти ему некуда: слишкомъ его „забило“ мѣщанство. Ему остается только разбить лобъ объ стѣну, символизирующую то мѣщанство, которое онъ тщетно пытался пробить лбомъ въ теченіе всей своей жизни.

Объ эти большія повѣсти, „Ома Гордѣвъ и „Трое“, въ высокой степени характерны для начала второго періода литературной дѣятельности Горькаго. Въ нихъ прежде всего сильно проглядываетъ общественная точка зрѣнія, стремящаяся подавить крайности ультра-индивидуализма; во-вторыхъ, въ нихъ усиленно ставится и рѣшается вопросъ о мѣщанахъ и лишнихъ людяхъ. Къ чему пришелъ Горькій?—это выясняется изъ слѣдующаго его произведенія, въ которомъ уже вполне опредѣлился Горькій второго періода. Мы говоримъ о „Мѣщанахъ“ (1901 г.).

Ультра-индивидуализмъ осуждается въ „Мѣщанахъ“ окончательно и безповоротно; мало того, онъ ставится на одну доску съ мѣщанствомъ, ибо нигдѣ до сихъ поръ такъ наглядно не показалъ Горькій близкаго родства ультра-индивидуализма и мѣщанства, какъ именно въ этомъ своемъ произведеніи. И онъ осуждаетъ здѣсь не тотъ ультра-индивидуализмъ, который подъ своимъ флагомъ quasi-индивидуализма провозитъ контрабанду самаго анти-индивидуалистическаго характера: мы уже не разъ подчеркивали, что эгоизмъ, провозглашеніе правъ исключительно своего „я“, есть крайнее анти-индивидуалистическое теченіе. Петръ Безсѣменовъ отнюдь не стоитъ на такой точкѣ зрѣнія: онъ говоритъ не только о своемъ „я“, но и о личности вообще, считая ее по существу свободной и вполне независимой отъ общества; нужно ли указывать на то, что Горькій, творецъ Челкашей, Зобаровъ и Раддъ, Мальвъ и Олесовыхъ, вполне раздѣляетъ взгляды бывшаго студента Петра Безсѣменова? Но едва ли нужно доказывать и то, что Горькій, авторъ „Читателя“, „Омы Гордѣва“, „Трое“ и „Мѣщанъ“, вполне отрицательно относится къ Петру, этому „мѣщанину, бывшему гражданиномъ полчаса“... „Общество? Вотъ что я ненавижу!—воскликаетъ Петръ:—оно все повышаетъ требованія къ личности, но не даетъ ей возможности развиваться правильно, безъ препятствій.—Человѣкъ долженъ быть гражданиномъ прежде всего! — кричало мнѣ общество въ лицѣ моихъ товарищей! Я былъ гражданиномъ... чортъ ихъ возьми!.. Я... не хочу... не обязанъ подчиняться требованіямъ

общества. Я личность. Личность свободна“... И въ отвѣтъ на это исповѣданіе соціологическаго ультра-индивидуализма авторъ заставляеть Тетерева аккомпанировать на піанино протяжнымъ, густымъ погребальнымъ звономъ... Ультра-индивидуализмъ Горькаго похороненъ, и въ „Мѣщанахъ“ раздается надъ нимъ тягучій, похоронный звонъ...

Ультра-индивидуалистъ Петръ — сугубый мѣщанинъ. Это не лишній человѣкъ конца XIX-го вѣка, нѣтъ, это тотъ „промежуточный человѣкъ“, котораго подарила намъ эпоха общественнаго мѣщанства. Вотъ отецъ его, „мѣщанинъ“ Безсѣменовъ: это типичный мѣщанинъ, сословный и этическій... „Ты въ мѣру уменъ и въ мѣру глупъ; въ мѣру—добрь и въ мѣру—золъ; въ мѣру честенъ и подль, трусливъ и храбръ... ты образцовый мѣщанинъ! Ты законченно воплотилъ въ себѣ пошлость... ту силу, которая побѣждаетъ даже героевъ и живетъ, живетъ и торжествуетъ“... — такъ ярко и мѣтко характеризуетъ Тетеревъ старика Безсѣменова. Однако мѣщанство его—мѣщанство далеко не столь страшное, какъ мѣщанство сына его, ультра-индивидуалиста Петра. Правда, Петръ какъ будто бы ищетъ чего-то, мучается, чего-то хочетъ, къ чему-то стремится,— но все это сводится на нѣтъ его полнѣйшей безличностью, которая такъ ясна для всѣхъ окружающихъ. Вѣдь даже старикъ Безсѣменовъ, этотъ „образцовый мѣщанинъ“, и тотъ сознаеть, что въ его сынѣ нѣтъ чего-то самаго главнаго въ личности человѣка. „Вѣдь въ каждомъ человѣкѣ должно быть что-нибудь свое...—говорить онъ по поводу своихъ дѣтей, Петра и Татьяны, которая является точнымъ отраженіемъ брата:—а они какіе-то... ровно бы безъ лицъ! Вотъ Ниль... онъ дерзокъ... онъ разбойникъ. Но — человѣкъ съ лицомъ. Опасный... но его можно понять... Э-эхе-хе!.. Я вотъ, въ молодости, церковное пѣніе любилъ... грибы собирать любилъ... А что Петръ любить?“ И „образцовый мѣщанинъ“ правъ въ своемъ сужденіи и осужденіи: сынъ далеко опередилъ отца на пути мѣщанства, ибо мѣщанство отца было наполовину безсознательное, полурастительное, это было мѣщанство этическое, возросшее на почвѣ узкихъ формъ жизни мѣщанства сословнаго; мѣщанство сына—это мѣщанство сознательное, съ любовью культивируемое въ глубинѣ души, мѣщанство этическое, разорвавшее съ мѣщанствомъ сословнымъ, мѣщанство „культурное“—самое отвратительное изъ всѣхъ возможныхъ видовъ мѣщанства. Временное „возрожденіе“ Петра, которымъ заканчивается пьеса, не можетъ обмануть насъ; да и не велика цѣна тому возрожденію, къ кото-

рому человѣка вели буквально чуть-ли не за шиворотъ... Глубоко справедливы поэтому послѣднія слова Тетерева старику Безсѣменову: „...не безпокойся!... Твой сынъ воротится... Онъ не уйдетъ далеко отъ тебя. Онъ это временно наверхъ поднялся, его туда втащили... Но онъ сойдетъ... Умрешь ты—онъ немного перестроитъ этотъ хлѣвъ, переставитъ въ немъ мебель и будетъ жить, какъ ты, спокойно, разумно и уютно... Онъ переставитъ мебель и—будетъ жить въ сознаніи, что долгъ свой передъ жизнью и людьми отлично выполнилъ. Онъ вѣдь такой же, какъ и ты“...

Итакъ, въ „Мѣщанахъ“ Горькій ясно указаль на тѣсную связь ультра-индивидуализма съ мѣщанствомъ и этимъ самымъ призналъ мѣщанскими всѣ свои идеалы перваго періода своей дѣятельности. Что же онъ поставилъ на мѣсто ихъ? На это Горькій пытается дать отвѣтъ слегка очерченнымъ типомъ Нила. Конечно, слегка очерченнымъ и неполнымъ этотъ типъ является главнымъ образомъ по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, но тѣмъ не менѣе типъ этотъ вполне ясенъ. Оома Гордѣевъ и Илья Луневъ побѣдили этическое мѣщанство, нашли свою дорогу въ жизни и обратились въ Нила. Въ Нилѣ, по слишкомъ очевидному намѣренію автора, мы должны видѣть здоровый индивидуализмъ, борьбу за общественность, вытекающую изъ борьбы за права личности. Конечно, Нилъ не мѣщанинъ, по крайней мѣрѣ не такой мѣщанинъ, какъ отецъ и сынъ Безсѣменовы; однако нельзя не замѣтить, что именно на этомъ героѣ Горькаго впервые замѣтна тенденція автора къ этическому анти-индивидуализму. Тотъ этической анти-индивидуализмъ, который съ полной ясностью проявился въ слѣдующемъ произведеніи Горькаго, „На днѣ“, звучитъ уже и въ „Мѣщанахъ“. Идея равноцѣнности человѣческихъ личностей неприемлема для Нила; недаромъ Татьяна упрекаетъ его въ черствости и жестокости по отношенію къ людямъ. Мысль Нила,—и мысль очень не новая,—что помогать надо только сильнымъ, найдетъ себѣ въ послѣдствіи дальнѣйшее развитіе въ „Дачникахъ“; но, несмотря на это, какъ-то чувствуется, что и самъ Нилъ вовсе ужъ не настолько сильный человѣкъ... Конечно, всѣ наши симпатіи на сторонѣ Нила въ его борьбѣ за права личности; у насъ съ нимъ одинаковая ненависть, но одинакова ли наша любовь? „Кто есть твой Богъ?“—можемъ мы спросить Нила, а значитъ и Горькаго, словами „Читателя“, произведшаго такой переломъ въ творчествѣ нашего автора. Мы вѣримъ въ тѣ духовныя цѣнности, которыя несетъ съ собой классъ, считающій въ своихъ рядахъ Нила; но было бы грустно и обидно,

если бы эти цѣнности спокойно умѣстились въ тѣ старыя мѣщанскія формы, съ которыми борется самъ Нилъ. А вѣдь вѣроятное будущее Нила не сулитъ намъ особенно рѣзкаго различія уклада его жизни отъ жизни Безсѣменовыхъ: женится онъ на Полѣ, заживутъ они миркомъ да ладкомъ, на подоконникахъ ихъ квартирки вѣроятно будетъ цвѣсти герань, въ углу комнаты—кадка съ филодендрономъ... Эта эмблематическая форма ихъ жизни показываетъ, что они тоже, вѣроятно, только „переставятъ мебель“, и новое содержаніе жизни втиснутъ въ старыя мѣщанскія формы. Мы не споримъ, быть можетъ, дорога Нила совсѣмъ иная, быть можетъ, въ своей борьбѣ съ общественнымъ и оффиціальнымъ мѣщанствомъ онъ получить терновый вѣнецъ, тотъ вѣнецъ, о которомъ еще Некрасовъ сказалъ, что

Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе—тернового вѣнка...

Если участь Нила именно такова—то да будетъ ему триумфъ! Но вѣдь рѣчь теперь не объ этомъ: мы уже сказали, что въ борьбѣ съ жизнью мы идемъ рядомъ съ Ниломъ (беремъ это имя, какъ нарицательное и собирательное); весь вопросъ именно въ томъ, что же лежитъ въ идеалахъ Нила за областью борьбы, и въ идеалахъ не только социальныхъ и политическихъ, но и въ философскихъ и этическихъ. Въ этой области Нилъ пока еще не далъ ни намека на что-либо новое; а его туповатое самодовольство („я все недурно дѣлаю“ и т. п.) сулитъ не особенно радужныя перспективы нашимъ надеждамъ на новый укладъ жизни, провозвѣстникомъ котораго является Нилъ. „Кто есть твой Богъ?“—на этотъ вопросъ у Нила нѣтъ положительнаго отвѣта; мы твердо вѣримъ, что Нилъ дастъ современемъ на это не только отрицательный отвѣтъ, но пока въ области этической и философской онъ его не далъ. А потому еще совершенно неизвѣстно, перестроить ли онъ свой домъ наново, или только переставитъ въ немъ мебель; придется ли намъ поминать его за здравіе или за упокой—это вопросъ открытый... Пока же приходится поступить по примѣру той чеховской старушонки (изъ разсказа „Калитель“), которая просила дьячка записать воина Захара и за здравіе и за упокой: „ты, родименькій, его на обѣ записочки запиши, а тамъ видно будетъ“... Да, тамъ видно будетъ, какія этическія цѣнности внесетъ въ міръ вступающій въ него классъ; пока же нашей обязанностью остается борьба рука объ руку

съ нимъ противъ общаго врага, противъ официальнаго и общественнаго мѣщанства...

Тотъ зачаточный этический анти-индивидуализмъ, который мы видѣли въ Нилѣ, находить свое полное выраженіе въ слѣдующемъ произведеніи Горькаго, „На днѣ“ (1902 г.). Типъ странника Луки считается почему-то какой-то абераціей безсознательнаго творчества Горькаго, разрушеніемъ идеала сильнаго и энергичнаго человѣка, во имя мягкосердечія, жалбнія и т. п. „альтруистическихъ“ объѣдковъ. Поэтому, прежде чѣмъ остановиться на этой пьесѣ Горькаго, мы слегка прослѣдимъ эволюцію его взглядовъ на силу и слабость, послѣ чего безъ труда убѣдимся, что въ „На днѣ“ мы имѣемъ вполне послѣдовательное развитіе взглядовъ Горькаго на смыслъ и значеніе человѣческой личности.

Горькій—поэтъ „романтическихъ“ типовъ, апологетъ сильныхъ духомъ людей: таковъ ходячій взглядъ толпы на нашего автора. О „романтизмѣ“ Горькаго рѣчь впереди—мы еще будемъ имѣть случай подчеркнуть полное отсутствіе романтизма въ творествѣ не только творца „Мѣщанъ“, но и автора разныхъ Зобаровъ, Мальвъ и имъ подобныхъ. Объ этомъ послѣ; теперь остановимся на вопросѣ о сильныхъ и слабыхъ въ произведеніяхъ Горькаго. Не трудно убѣдиться, что, идя отъ соціологическаго ультра-индивидуализма къ этическому анти-индивидуализму, Горькій въ то же самое время шелъ отъ апологіи сильныхъ къ оправданію слабыхъ.

„Сильные люди“ Горькаго—представители того ультра-индивидуализма, пророкомъ котораго онъ былъ въ первую половину своей литературной дѣятельности; и во всемъ этомъ періодѣ культъ силы идетъ у Горькаго рука объ руку съ его ультра-индивидуализмомъ. Рада и Зобаръ одинаково сильны, для нихъ одинаково личность стоитъ впереди всего; но уже и здѣсь Горькій видитъ, что герои его въ сущности одержимы эгоистическими, а значить и анти-индивидуалистическими тенденціями: въ этомъ вся слабость его сильныхъ героевъ. „Въ Старухѣ Изергиль“ (1895 г.) Горькій уже осуждаетъ чрезмѣрность силы эгоистическаго одиночества, воплощая эту силу въ сверхъ-человѣка Ларру, который гибнетъ отъ ужаса одиночества, ужаса безмѣрной свободы, отъ ужаса, погубившаго въ былое время безумца Кириллова, исповѣдовавшаго „Своеволіе“. Въ избыткѣ силы Ларры—его слабость. Впрочемъ Ларра—типъ исключительный; вообще же всякая сила, утверждающая свое „я“, глубоко симпатична Горькому этого періода. Чувствуется, напри- мѣръ, что Горькій во многомъ завидуетъ „князю“ Шахро Птадзе,

как „человѣку-стихи“, завидуетъ его силѣ, его цѣльному признанію своего „я“ въ гармоніи со всѣмъ окружающимъ и во главѣ всей жизни. То же самое мы видимъ въ „Варенькѣ Олесовой“ и въ цѣломъ рядѣ другихъ рассказовъ, написанныхъ до 1898 г. Въ рассказѣ „Ошибка“ мы встрѣчаемъ слѣдующее, ставшее общеизвѣстнымъ, мѣсто: „морально это или не морально? Во всякомъ случаѣ это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо“... Такъ и видно, какъ хочется Горькому во что бы то ни стало найти точку зрѣнія, оправдывающую силу, какъ таковую, какъ хочется ему итѣть пѣсню „безумству храбрыхъ“ и видѣть въ этой силѣ и въ этомъ безумствѣ мудрость жизни. Какъ отрицаніе мѣщанства—это цѣлая программа, но гдѣ ея положительныя основы?

И вотъ мы видимъ, какъ Горькій, послѣ тщетныхъ поисковъ въ этой области, переходитъ отъ апологіи сильныхъ къ оправданію слабыхъ; переходъ этотъ совершается въ немъ одновременно съ движеніемъ отъ ультра-индивидуализма къ этическому анти-индивидуализму. Перейти къ оправданію слабыхъ для Горькаго было тѣмъ легче, что всѣ излюбленные его герои конца перваго періода его литературной дѣятельности—слабые люди, только загримированные устрашающимъ образомъ и играющіе роль сильныхъ людей. Да, всѣ такъ называемые горьковскіе типы, босяки—слабые люди, желающіе быть сильными: это достаточно ясно показываютъ всѣ лучшіе рассказы Горькаго этого періода (1896—1898 гг.)—„Бывшіе люди“, „Супруги Орловы“, „Коноваловъ“ и др. Все это люди, неумѣющіе найти своей „точки“ и бесплодно растрчивающіе свои, быть можетъ и большія, силы... Потенціально—они сильны, реально—они слабы, и слабость эта держитъ ихъ прикованными „на днѣ“ жизни... Таковы всѣ „лишніе люди“ Горькаго, и этимъ они напоминаютъ не столько лишнихъ людей, сколько героевъ Лермонтова, сильныхъ и слабыхъ въ одно и то же время; связь Горькаго съ Лермонтовымъ для насъ не менѣе очевидна, чѣмъ отмѣченная выше связь Лермонтова съ Чеховымъ. Демоническій Печоринъ и... сапожникъ Орловъ: между ними лежитъ дистанція огромнаго размѣра, но вовсе не незаполнимая пропасть, черезъ которую нѣтъ перехода. Какъ бы то ни было, но фактъ остается фактомъ: чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше переходилъ Горькій отъ апологіи сильныхъ къ оправданію слабыхъ. Обѣ эти точки зрѣнія соединились въ типахъ Сатина и Луки, къ которымъ мы теперь и переходимъ. Интересно отмѣтить мимоходомъ, что въ то самое время, когда Горькій пи-

саль „На днѣ“ (1902 г.), онъ, пересматривая свои сочиненія для новаго изданія (1903 г.), вычеркивалъ и смягчалъ въ нихъ тѣ мѣста, въ которыхъ слишкомъ ярко проступала апологія силы (такъ, напримѣръ, вычеркнуто въ „Ошибкѣ“ цитированное выше мѣсто о томъ, что „сильно = морально“: въ свое время это отмѣтилъ Михайловскій).

Еще въ разсказѣ „Читатель“ Горькій, бесѣдуя со своей со-вѣстью, выслушалъ отъ нея рядъ упрековъ въ исключительномъ служеніи „низкой истинѣ“, принижающей личность человѣка. „Твое перо—обращается самъ къ себѣ Горькій—слабо ковыряетъ дѣйствительность, тихонько ворошить мелочи жизни, и описывая будничныя чувства будничныхъ людей, ты открываешь ихъ уму, быть можетъ, и много низкихъ истинъ, но можешь ли ты создать для нихъ хотя бы маленькій, возвышающій душу обманъ?.. Нѣтъ!..“ Неужели же нѣтъ? А всѣ эти quasi-романтическіе Изергили, Зобары, Данко—что же иное, какъ не обманъ, возвышающій душу? Но очевидно, Горькій требуетъ не такого „обмана“, не апологіи сильныхъ, еще болѣе принижающей слабыхъ; онъ находитъ, что и слабые имѣютъ право на жизнь, что слабыхъ не должна давить правда. Идея эта не внезапно появилась у Горькаго: онъ высказывалъ ее еще въ 1892 г., въ разсказѣ „О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ—любителѣ истины“; впоследствии, въ „Еще о чортѣ“ (1899 г.), онъ еще рѣзче подчеркнул свою нелюбовь къ истинѣ, принижающей человѣка. „Есть правда, которая нужна человѣку, она обжигаетъ съ его сердца грязь и пошлость пламенемъ стыда,—да здравствуетъ!—И есть правда, которая, падая на голову человѣка какъ камень, убиваетъ въ немъ желаніе жить,—да погибнетъ!..“ А слѣдовательно и *mutatis mutandis*: да здравствуетъ ложь, которая нужна человѣку! Какъ видимъ, апологія „лжи“ постепенно созрѣвала въ творествѣ Горькаго, пока не достигла зрѣлости въ типѣ Луки.

Конечно, всѣ эти lamentaціи о губительности „низкихъ истинъ“ и о благотворности „возвышающаго душу обмана“, всюду и всегда были основаны на недоразумѣніи. Есть правда въ мѣрѣ фактовъ и есть правда въ мѣрѣ идей; первая можетъ упасть камнемъ на душу человѣка, вторая служитъ горниломъ, очищающимъ и закаляющимъ личность; первую можно, а иногда и должно, замѣнить возвышающимъ душу обманомъ, вторую же можетъ замѣнить только опошляющій душу обманъ; первую—могій вмѣстити да вмѣститъ, вторую—можетъ и долженъ вмѣститъ каждый. Странникъ Лука усиленно старается заслонить отъ глазъ слабыхъ, несчастныхъ людей первую

правду, правду факта; для слабых—ложь факта, для сильных— правда факта, для тѣхъ и другихъ одинаково—правда идеи: иными словами, правда для человѣка, а не человѣкъ для правды. Конечно, не въ этомъ анти-индивидуализмъ Луки и Горькаго. Ложью факта Лука скрашиваетъ послѣдніе дни умирающей Анны, внушаетъ актеру надежду на возможность излѣченія, возбуждаетъ человѣческое сознаніе и негодованіе въ Настѣ... „Я—личность, потому что уже понимаю, какъ скверно устроена жизнь“—можетъ сказать про себя несчастная, истрепанная проститутка Настя словами другой горьковской героини. Лука пробудилъ сознаніе въ Сатинѣ, примирилъ съ жизнью Клеща; вообще—„это онъ, старая дрожжа, проквасилъ намъ сожителей“, какъ говорятъ про него „на днѣ“ послѣ его исчезновенія. И достигъ онъ этого отрицаніемъ правды факта. „Правды онъ... не любилъ, старикъ-то... — говорить про него Клещъ:—очень противъ правды возставалъ... такъ и надо! Вѣрно, какая тутъ правда? И безъ нея—дышать нечѣмъ“... „Какая правда? гдѣ правда?.. Работы нѣтъ... силы нѣтъ! Вотъ — правда! Пристанница... пристанища нѣту! Издыхать надо... вотъ она, правда! Дьяволъ! На... на что мнѣ она, правда? Дай вздохнуть... вздохнуть дай!..“

Правда факта—для человѣка. Въ этомъ требованіи, въ этомъ стремленіи воздать коемуждо по силамъ его, Горькій только повторялъ то, что на три четверти вѣка раньше его впервые провозгласилъ въ русской литературѣ Пушкинъ; въ этомъ *приматъ* *человѣка надъ истиной* не анти-индивидуализмъ, но индивидуализмъ Горькаго. „Старикъ—не шарлатанъ!—говоритъ Сатинъ о Лукѣ:—что такое правда? Человѣкъ—вотъ правда! Онъ это понималъ... Я—понимаю старика... да!“

Но дѣло совершенно мѣняется, когда отъ правды факта мы перейдемъ къ правдѣ идеи: тутъ и Лука и говорящій его устами Горькій запутываются въ сѣтяхъ явнаго этического анти-индивидуализма. Человѣкъ „каковъ ни есть, а всегда своей цѣны стоитъ“,—говорилъ Лука еще при первомъ появленіи „на днѣ“; но въ томъ-то и дѣло, что для него человѣкъ имѣетъ цѣну не самъ по себѣ, а только какъ неосуществленная возможность лучшаго, высшаго, значительнаго; для него человѣкъ не цѣль, а средство,—въ этомъ его основная правда, правда идеи, которую онъ не скрываетъ ни отъ сильныхъ, ни отъ слабыхъ духомъ. Зачѣмъ живутъ люди, въ чемъ смыслъ ихъ существованія на землѣ? „А для лучшаго люди-то живутъ, милочекъ! Вотъ, скажемъ, живутъ столяры и все—хламъ на-

родь... И вотъ отъ нихъ рождается столяръ... такой столяръ, какого подобнаго и не видала земля; всѣхъ превысилъ и нѣтъ ему во столярахъ равнаго. Всему онъ столярному дѣлу свой обликъ даетъ... и сразу дѣло на двадцать лѣтъ впередъ двигаетъ... Такъ же и всѣ другіе... слесаря, тамъ... сапожники и прочіе рабочіе люди... и всѣ крестьяне... и даже господа—для лучшаго живутъ! Всякъ думаетъ, что для себя проживаетъ, анъ выходить, что для лучшаго! По сту лѣтъ... а, можетъ, и больше для лучшаго человѣка живутъ "... Вотъ завѣтная, идейная „правда“ Луки: человѣкъ—только матеріалъ для постройки „лучшаго“, только кирпичъ въ общечеловѣческомъ зданіи; самъ по себѣ цѣны онъ не имѣетъ, и цѣненъ лишь исключительно, какъ неосуществленная возможность „лучшаго“. Въмѣсто теоріи этической равноцѣнности человѣческихъ личностей, какъ самоцѣлей, мы имѣемъ здѣсь вполне анти-этическое воззрѣніе на равноцѣнность личностей, какъ средствъ. „Всѣ, милачокъ, всѣ, какъ есть, для лучшаго живутъ! *Поэтому-то* (курсивъ нашъ) всякаго человѣка и уважать надо... неизвѣстно вѣдь намъ, кто онъ такой, зачѣмъ родился и чего сдѣлать можетъ... можетъ, онъ родился-то на счастье намъ... для большой намъ пользы?..“ Вы видите: „уважать“ человѣка надо только потому, что онъ—неосуществленная возможность, что каждый человѣкъ — средство для возможной пользы другимъ. Всѣ люди равны, какъ средства; всѣ люди — кирпичи, которыми вымощивается путь прогресса. Въ этой завѣтной „правдѣ“ странника Луки слышенъ отзвукъ рѣчей „малаго инквизитора“, старика Маякина; но Маякина Горькій судилъ и отчасти осуждалъ, а странникъ Лука, очевидно, повторяетъ только слова автора. Два года спустя послѣ написанія „На днѣ“ Горькій старательно отгребивался отъ „правды“ Луки и называлъ этого лукаваго старичонку отрицательнымъ типомъ; пусть такъ, но во всякомъ случаѣ, независимо отъ воли и сознанія автора, Лука отнюдь не оставялъ впечатлѣнія типа, непріятнаго автору; а если мы вспомнимъ, что многія мысли Луки высказаны были Горькимъ еще въ его „Коноваловѣ“, то мы придемъ къ тому наиболѣе вѣроятному заключенію, что отъ Коновалова черезъ Маякина къ Лукѣ мы имѣемъ все большее и большее приближеніе Горькаго къ идеѣ этическаго анти-индивидуализма.

Тщетной попыткой было бы искать противоядія отъ антииндивидуализма Луки въ „великолѣпныхъ“ монологахъ Сатина. Почему-то обыкновенно считается, что Сатинъ только по недоразумѣнію повторяетъ слова Луки, а самъ проповѣдуетъ діаметрально-противоположныя теоріи; отчего сложилось такое мнѣніе—мало по-

нятно. Правда, въ Лукѣ мы имѣемъ оправданіе слабыхъ, въ Сатинѣ—апологію сильныхъ; Сатинъ—сильный человѣкъ, или, вѣрнѣе, хочетъ казаться сильнымъ. Въ этомъ ихъ кажущаяся разница; во всемъ остальномъ они также различными словами говорятъ одно и то же. „Человѣкъ! Это — великолѣпно! Это звучитъ... гордо! Че-ло-вѣкъ! Надо уважать человѣка! Не жалѣть... не унижать его жалостью... уважать надо!..“ Это слова Сатина, и въ нихъ особенно находили противорѣчіе словамъ и поступкамъ Луки, а вѣдь между тѣмъ это почти буквально слова самого Луки, который тоже понималъ, что „человѣкъ—вотъ правда!“ который хотя и смягчалъ правду факта слабому человѣку, но никогда не унижалъ его жалостью, который настаивалъ именно на томъ, что „всякаго человѣка уважать надо“, что „человѣкъ, каковъ ни есть, а всегда своей цѣны стоитъ“... Но главная мысль Сатина, главная его „правда“ не въ этомъ, а въ его этическомъ анти-индивидуализмѣ, въ которомъ онъ, слѣдовательно, опять-таки сходится съ Лукой. Для Сатина человѣкъ не цѣль, а средство, такъ же какъ и для Луки; подобно этому лукавому старцу, онъ для него неважное частное, его влечетъ къ общему: Лука тяготѣлъ къ какому-то герою, въ нѣкоторомъ родѣ сверхъ-человѣку, Сатинъ тяготѣетъ также къ сверхъ-человѣку, его герой—человѣчество. „Человѣкъ—вотъ правда!—повторяетъ онъ неоднократно:—что такое человѣкъ?.. Это не ты, не я, не они... нѣтъ! Это ты, я, они, старикъ, Наполеонъ, Магометъ... въ одномъ! (*Очерчиваетъ пальцемъ въ воздухъ фигуру человека*). Понимаешь? Это—огромно! Въ этомъ—всѣ начала и концы... Все—въ человѣкѣ, все—для человѣка!..“

„Все—въ Человѣкѣ, все—для Человѣка!“—такъ восклицаетъ и самъ Горькій въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ произведеній („Человѣкъ“, 1903 г.), въ которомъ онъ только развиваетъ и дополняетъ мысли Сатина; мы видимъ, что онъ даже буквально повторяетъ ихъ. Здѣсь этический анти-индивидуализмъ Горькаго достигъ крайняго своего предѣла; быть можетъ, именно поэтому „Человѣкъ“ является такимъ неудачнымъ, напыщеннымъ, ходульнымъ произведеніемъ. Въ немъ восхваляется и превозносится Человѣкъ, призванный въ міръ для того, чтобы освѣтить его,

расплавить тьму его загадокъ тайныхъ,
найти гармонию между собой и міромъ,
въ себѣ самомъ гармонию создать,
и, озаривъ весь мрачный хаосъ жизни
на этой изстрадавшейся землѣ,
покрытой, какъ накоюною болѣзью,

корой несчастій, скорби, горя, злобы,—
 всю злую грязь съ нея смести
 въ могилу прошлаго!...

Такимъ ложно-классическимъ, или, вѣрнѣе, псевдо-романтиче-
 скимъ стилемъ написана вся эта „поэма“ Горькаго... Но не въ
 стилѣ теперь дѣло, интересно тутъ вотъ что: существуетъ мнѣніе,
 что мы здѣсь сталкиваемся съ типичнымъ индивидуализмомъ, съ
 провозглашеніемъ примата человѣческой личности надъ окружаю-
 щимъ ее міромъ, въ дѣйствительности же какъ-разъ наоборотъ. Это
 уже не индивидуализмъ, а нѣчто діаметрально ему противоположное:
 это возвращеніе къ идеаламъ Пнина (см. т. I, гл. I), это конкре-
 тизированіе человѣчества, это абстрагированіе человѣческой лич-
 ности — въ Человѣка: недаромъ Горькій упорно пишетъ его съ
 большой буквы. Въ этомъ огромномъ абстрактномъ человѣкѣ совер-
 шенно ступевывается живая, реальная человѣческая личность; что
 такое человѣкъ для Сатина и для Горькаго? „Это не ты, не я, не
 они... нѣтъ! Это ты, я, они... въ одномъ!“ Вы видите: ты, я, онъ—
 не человѣческія личности; человѣкъ — это нѣчто общее, огромное,
 безконечное, это ты, я, онъ въ одномъ... И та фигура Человѣка,
 которую при этихъ словахъ Сатинъ очерчиваетъ пальцемъ въ воз-
 духѣ, является лучшей эмблемой того бездушнаго, мертваго анти-
 индивидуализма въ этикѣ, къ которому въ этомъ періодѣ своей
 дѣятельности пришелъ Горькій.

Этимъ этическимъ анти-индивидуализмомъ заканчивается второй
 періодъ дѣятельности Горькаго. Не будемъ загадывать впередъ, что
 дастъ намъ еще Горькій и въ какомъ направленіи пойдетъ его
 дальнѣйшее развитіе. Въ своихъ произведеніяхъ 1904-го и послѣ-
 дующихъ годовъ онъ не далъ намъ ничего новаго по существу,
 хотя и измѣнилъ нѣкоторыя частности своихъ взглядовъ. Такъ,
 на примѣръ, въ „Дачникахъ“ (1904 г.) Горькій рѣзко осуждаетъ
 Рюмина, который хочетъ примѣнить философію странника Луки не
 только къ факту, но и къ идеѣ, который желаетъ отвернуться отъ
 „противорѣчій жизни“ и закрасить ихъ красивой ложью; такъ,
 на примѣръ, въ „Тюрьмѣ“ (1904 г.) Горькій окончательно порываетъ
 со своимъ старымъ, излюбленнымъ противопоставленіемъ людей
 рабовъ и господъ и признаетъ, что „одинаково вредно и позорно
 быть и рабомъ и господиномъ“... Но его этическій анти-индивиду-
 ализмъ остался безъ переменъ и, какъ кажется, едва ли когда-нибудь
 Горькій сумѣетъ выбраться изъ этой трясины, въ которую засасы-
 ваетъ его то самое, ненавидимое имъ, мѣщанство...

Дѣло въ томъ, что Горькій, подобно Чехову, „увѣровалъ въ прогрессъ“; болѣе того, онъ „увѣровалъ въ социализмъ“ и сталъ его вѣрнымъ адептомъ... Этимъ самымъ онъ примкнулъ къ тому большинству русской интеллигенціи, которая была въ общемъ социалистична еще со временъ Бѣлинскаго, Герцена и Чернышевскаго. Но дѣло въ томъ, что Горькій примкнулъ къ анти-индивидуалистичной формѣ социализма, онъ „увѣровалъ въ марксизмъ“, и притомъ въ марксизмъ русской чеканки, со всѣми его слабыми сторонами. Мы уже имѣли случай отмѣтить, что по существу Горькій не былъ идеологомъ марксизма, точно такъ же, какъ Чеховъ не былъ проповѣдникомъ идеаловъ эпохи общественнаго мѣщанства; однако, когда Чеховъ увѣровалъ въ идеалы „шигалевщины во времени“, увѣровалъ въ плоско-позитивную теорію прогресса, то онъ пришелъ и къ теоріи постепенности и къ этическому анти-индивидуализму. Это же повторилось и съ Горькимъ: когда онъ „увѣровалъ въ прогрессъ“ — а у Горькаго это выражалось въ формахъ вѣры въ пролетаріатъ — и примкнулъ къ русскому марксизму, то онъ пришелъ къ этическому анти-индивидуализму, не говоря уже о томъ, что отразилъ въ художественномъ творествѣ многія слабы стороны и ошибки русскаго марксизма.

Такъ, наиримѣръ, въ высшей степени характерно рѣзко отрицательное отношеніе Горькаго къ интеллигенціи, характерное, какъ мы знаемъ, и для російскихъ марксистовъ. Съ самаго начала своей литературной дѣятельности Горькій ядовито высмѣивалъ всю нашу „такъ называемую“ интеллигенцію; едва ли онъ понималъ въ то время, что, выступая противъ интеллигенціи, онъ является сильнымъ ея союзникомъ, ибо въ произведеніяхъ своихъ онъ на смерть поражалъ не интеллигенцію, а „культурное“ общество, промежуточныхъ людей восьмидесятыхъ годовъ и продолжаетъ поражать ихъ до сихъ поръ, въ наивности души полагая, что бьетъ по головѣ ненавистной ему „интеллигенціи“. Послѣ знакомства Горькаго съ марксизмомъ, т. е. во второй періодъ его дѣятельности (съ 1898 г.), его ненависть къ интеллигентнымъ мѣщанамъ переходитъ во вражду ко всей русской интеллигенціи, и Горькій, самъ того не замѣчая, и съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, совершаетъ экзекуцію надъ самимъ собой, на манеръ унтеръ-офицерской вдовы, которая сама себя высѣкла. Онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть того, что самъ онъ является типичнымъ представителемъ этой же самой интеллигенціи, плотью отъ плоти и костью отъ костей ея...

Конечно, Горькій былъ вполне правъ, нанося удары идеаламъ

и людямъ эпохи общественнаго мѣщанства, представителямъ той quasi-интеллигенціи, у которыхъ души засыпаны хламомъ повседневныхъ заботъ, которые прозябаютъ вяло, скучно, книжно, которымъ всякіе идеалы кажутся излишними, ненужными, отяготительными... „Ну, что же небо? — пустое мѣсто... Какъ мнѣ тамъ ползать? Мнѣ здѣсь прекрасно... тепло и сыро!“ — такъ разсуждаетъ Ужъ изъ „Пѣсни о Соколѣ“; и дѣйствительно, къ чему Ужамъ высокіе идеалы? и безъ нихъ они будутъ прекрасно прозябать на землѣ, въ гнилой, но теплой атмосферѣ самосовершенствованія, постепенности и малыхъ дѣлъ. Эти мѣщанскіе идеалы русскаго „культурнаго“ общества имѣли въ Горькомъ ожесточеннаго врага. „Жизнь испорчена! Она—скверно считана!.. Не по росту порядочныхъ людей сдѣлана жизнь, говорю я. Мѣщане съзрили, окоротили ее, сдѣлали тѣсной“... Такова „культурная“ жизнь, по мнѣнію Тетерева, за которымъ стоитъ, конечно, самъ Горькій; это чеховская мысль о мѣщанствѣ жизни, но мысль развитая подробнѣе и указывающая на мѣщанскія формулы современной культуры. „Нужно родиться въ культурномъ обществѣ,—говоритъ Горькій,—для того, чтобы найти въ себѣ терпѣніе всю жизнь жить среди него, и не разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленькихъ ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненныхъ самолюбій, идейнаго сектанства, всяческой неискренности—однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и возвращающей умъ суеты суетъ“ („Коноваловъ“). Въ этомъ отрицаніи мѣщанскихъ формъ современной культуры Горькій идетъ рука объ руку со всѣми представителями русской интеллигенціи, предполагая, что идетъ противъ нихъ; онъ осуждаетъ русское „культурное“ общество и составляющихъ его дикарей высшей культуры, которые самоублажаются идеей роста культуры, въ то время какъ этотъ столь утѣшающій ихъ прогрессъ является для Горькаго замѣчательнымъ процессомъ, вѣско подтверждаемымъ ежегоднымъ ростомъ тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости („Въ степи“). Дикарей высшей культуры это, конечно, нисколько не смущаетъ; они чувствуютъ себя прекрасно въ атмосферѣ самосовершенствованія и малыхъ дѣлъ. Таковъ, на примѣръ, знаменитый Иванъ Ивановичъ изъ разсказа „Еще о чортѣ“ (1899 г.). „По душевному складу своему это былъ человѣкъ «интеллигентный», а профессіей его было стремленіе къ достиженію духовнаго совершенства, которое онъ и ввѣдрялъ въ себя ежесуточно путемъ продолжительныхъ бесѣдъ со знакомыми и посредствомъ чтенія душеполезныхъ книгъ“. Мы уже хорошо зна-

комы съ этими промежуточными людьми и ихъ „вареными душами“. Неудивительно, что чортъ съ ужасомъ чуть не открещивается отъ такой души: „вашу душу? О, нѣтъ! Нѣтъ, пожалуйста... мнѣ не надо... Помилуйте?! Куда мнѣ ее?“; неудивительно, что когда чортъ извлекъ изъ Ивана Ивановича честолюбіе, злобу, трусость и нервозность, то бѣдный промежуточный человѣкъ утратилъ всякое содержаніе; отъ него остались только одни безсодержательныя междометія, на лицѣ сіяла блаженная улыбка прирожденного идіота и голова издавала звукъ пустого боченка...

Въ „Дачникахъ“ Горькій еще разъ наноситъ ударъ людямъ и идеаламъ эпохи общественнаго мѣщанства. Не стрѣляетъ ли онъ изъ пушекъ по воробьямъ? Намъ кажется, что нѣтъ: хотя промежуточные люди уступили свое мѣсто новымъ людямъ конца XIX-го и начала XX-го вѣка, но все же они еще не окончательно сошли со сцены; еще много есть дикарей высшей культуры. Имъ-то и наносить тяжелые удары Горькій. Передъ нами проходитъ рядъ мѣщанъ, мнящихъ себя „интеллигентами“: тутъ адвокатъ Басовъ, инженеръ Сусловъ, писатель Шалимовъ—всѣ стѣять и всѣ дополняютъ другъ друга. „Мы — интеллигенція страны“, гордо говоритъ про себя и присныхъ своихъ Басовъ, типичный дикарь высшей культуры, идеалы котораго цѣликомъ взяты напрокатъ изъ эпохи общественнаго мѣщанства. „Все совершается постепенно... — восклицаетъ онъ: — эволюція! эволюція! Вотъ чего не надо забывать!“ „Наша страна,— такъ философствуетъ онъ,— прежде всего нуждается въ людяхъ благожелательно-настроенныхъ. Благожелательный человѣкъ — эволюціонистъ, онъ не торопится... Благожелательный человѣкъ... измѣняетъ формы жизни незамѣтно, потихоньку, но его работа есть единственно прочная“... Другой дикарь высшей культуры, Сусловъ, тоже считаетъ себя принадлежащимъ къ интеллигенціи, но въ то же время открыто исповѣдуетъ взгляды самаго тусклаго мѣщанства. Онъ не допускаетъ возможности существованія человѣка, который смѣетъ быть самимъ собой; о себѣ онъ не обинуясь говоритъ слѣдующее: „я рядовой русскій человѣкъ, русскій обыватель! Я обыватель — и больше ничего-съ! Вотъ мой планъ жизни! Мнѣ нравится быть обывателемъ... Я буду жить, какъ я хочу! И, наконецъ, наплевать мнѣ на ваши розказни... призывы... идеи!“ А вотъ и еще одинъ дикарь высшей культуры, весельчакъ и говорунъ Замысловъ. „Мы всѣ... люди сложные — заявляетъ онъ: — именно эта сложность нашей психики и дѣлаетъ насъ лучшими людьми страны, сирѣчь интеллигенціей“... И въ отвѣтъ на все это Горькій, устами Варвары Ми-

хайловны, неожиданно для самого себя высказывает очевидную истину: „интеллигенція — это не мы! Мы что-то другое... Мы — дачники въ нашей странѣ... какіе-то приѣзжіе люди. Мы суедемся, ищемъ въ жизни удобныхъ мѣстъ... мы ничего не дѣлаемъ и отвратительно много говоримъ“... Горькій безсознательно почувствовалъ, наконецъ, что не съ интеллигенціей боролся онъ въ своихъ предъидущихъ произведеніяхъ, а наоборотъ, шель рука объ руку съ интеллигенціей въ ея борьбѣ противъ мѣщанства, противъ дикарей высшей культуры. Интеллигенція — это не приватъ-доцентъ Полкановъ, не мѣщанинъ во гражданствѣ Петръ Безсѣменовъ, не либеральный Иванъ Ивановичъ, интеллигенція — это не Шалимовы, Басовы, Суслы, Рюмины и tutti quanti; это только дикари высшей культуры, которыхъ Горькій злобно клеймитъ устами Власа:

Маленькіе, нудные людишки
 Ходятъ по землѣ моей отчизны,
 Ходятъ и—уныло ищутъ мѣста,
 Гдѣ бы можно спрятаться отъ жизни.
 Все хотятъ дешевенькаго счастья,
 Сытости, удобствъ и тишины,
 Ходятъ и—все жаждутся, стонуть,
 Сѣренькіе, трусы и лгуны.
 Маленькія, краденныя мысли...
 Модныя, красивыя словечки...
 Ползаютъ тихонько съ краю жизни
 Тусклые, какъ тѣни, человѣчки.

Это не интеллигенція, нѣтъ! Это не „соль земли“, это дикари высшей культуры, это quasi-интеллигенція, завязшая въ трясинѣ жалкаго мѣщанства. Именно къ этимъ „дачникамъ“, именно къ этимъ дикарямъ высшей культуры относятся разсѣянные повсюду у Горькаго обличительныя и блистающія паэосомъ тирады противъ „такъ называемой“ интеллигенціи. „Я собралъ бы остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожи нашей интеллигенціи, чор-ртъ ее побери! Я-бъ имъ сказалъ: букашки! вы, лучший сокъ моей страны! Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей, о! гниды! Какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что же вы дѣлаете для нея?..“ Это — по отношенію ко всей quasi-интеллигенціи вообще, а вотъ специально по адресу благожелательно-настроенныхъ „я сказалъ бы имъ: вы! Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы мало умны и совершенно безсильны и — трусы всѣ вы! Ваше сердце набито моралью

и добрыми намѣреніями, но оно мягко и тепло какъ перина, духъ творчества спокойно и крѣпко спитъ въ немъ“... Понимаетъ ли Ежовъ („Ома Гордѣевъ“, 1899 г.), что онъ хочетъ: „плюнуть въ рожи“, только „такъ называемой“ интеллигенціи? понимаетъ ли онъ, что въ своемъ желаніи „плюнуть въ рожи“ настоящей интеллигенціи, безъ кавычекъ, онъ плюетъ въ лицо самому себѣ? Если Ежовъ и не понималъ этого въ 1899 году, то пятью годами позже это поняла Варвара Михайловна: „интеллигенція—это не мы“, не тѣ, которымъ Ежовъ хотѣлъ плюнуть въ глаза остатками своей истерзанной души и кровью сердца; интеллигенція по мысли Горькаго, это Нилъ („Мѣщане“), Марья Львовна, Соня, Власть...

Но какъ слабы, какъ туманны эти положительные типы истинныхъ „интеллигентовъ“! Отчего бы это? Конечно, тутъ сыграли роль и обстоятельства отъ автора независящія, но не въ этомъ одномъ дѣло; если бы даже Нилъ или Марья Львовна могли быть обрисованы и ярко выставлены, какъ убѣжденные агитаторы и дѣятели, горячіе пропагандисты идей социаль-демократизма, то и тогда была бы сдѣлана только половина дѣла. Вѣдь наши социальныя идеалы еще не все въ нашемъ міровоззрѣніи, они только дань внѣшнему, воздаяніе кесарева — кесарю; кромѣ общественной стороны вопроса, есть еще сторона индивидуальная, этическая, дань внутреннему міру человѣка, воздаяніе богу—божьяго. Я жажду всеобщей свободы, я работаю во имя социальнаго и экономическаго равенства людей, я вѣрую въ грядущее всемірное братство — все это прекрасно, но это еще не весь отвѣтъ на вопросъ „какъ вѣруешь?“, это еще не полное міровоззрѣніе человѣка. Либерально-демократическая программа, ортодоксальный социаль-демократизмъ, та или иная политическая платформа—это не только не весь человѣкъ, но даже и не большая его часть: его этика остается для насъ вполне неизвѣстной. Когда Горькій (въ „Дачникахъ“) казнить „декадентку“ Калерію за ея пренебрежительное отношеніе къ социальному вопросу, то это ею вполне заслужено; декадентство дѣйствительно старалось поставить себя выше вопроса о голодныхъ и раздѣтыхъ, объ униженныхъ и оскорбленныхъ. „Ждутъ обновленія жизни отъ демократіи, но, спрошу васъ, кто знаетъ, что это за звѣрь — демократъ? — лѣниво вопрошаетъ Шалимовъ. „Да, да! Вы тысячу разъ правы!.. — взволнованно отвѣчаетъ Калерія: — это еще звѣрь, варваръ! Его сознательное желаніе одно — быть сытымъ“... Демократическіе идеалы свободы, равенства, братства кажутся Калеріи слишкомъ низменными: „ты называешь великимъ

и красивымъ эти холодныя, лишенныя поэзіи мечты о всеобщей сытости?“ — иронически вопрошаетъ она. Конечно, во всемъ этомъ Калерія тоже типичная мѣщанка, узкая и нетерпимая. Но она права тысячу разъ, когда она ищетъ въ демократизмѣ нравственную, внутреннюю сторону, когда она хочетъ узнать, что стоитъ у демократа за социальными идеалами: „во что онъ вѣруетъ? Въ чемъ его культъ?“ Горькій склоненъ отрицательно отнестись къ такому глубоко важному вопросу; онъ готовъ впасть въ узость, противоположную узости Калеріи, онъ готовъ принять средство за цѣль и совершенно исключить изъ области исканій демократизма всѣ трагическія антиноміи и запросы этики и, въ широкомъ смыслѣ, религіи. Объ этомъ будетъ еще рѣчь въ слѣдующей главѣ, а теперь еще нѣсколько словъ объ отношеніи Горькаго къ интеллигенціи и о той субъективной правдѣ, которая лежитъ на сторонѣ Горькаго. Для этого обратимся къ неоконченному „Мужику“ (1900 г.).

Въ „Мужикѣ“ Горькій насъ ведетъ въ общество типичныхъ, съ его точки зрѣнія, интеллигентовъ и заставляетъ „мужика“ прочитать надъ ними отходную. Здѣсь передъ нами и умѣренно-либеральный докторъ, родной братъ добродѣтельнаго Ивана Ивановича, солидный и порядочный человѣкъ, давнымъ давно порѣшившій всѣ жизненные вопросы; — вотъ далѣе Малининъ, мягкій и симпатичный человѣкъ, но ноющій, жалкій неврастеникъ, — изъ него впоследствии Горькій сдѣлалъ Рюмина въ „Дачникахъ“; вотъ милая, славная, но безнадежно глуповатая Татьяна Николаевна, вотъ Тетеревъ, носящій фамилію Кирмалова, и т. д., и т. д. Среди всѣхъ этихъ интеллигентныхъ мѣщанъ единственнымъ живымъ элементомъ является юноша Сурковъ; его устами Горькій высказываетъ не мало ядовитыхъ истинъ всѣмъ этимъ представителямъ „такъ называемой“ интеллигенціи, называя ихъ безцвѣтными людьми, неспособными проторить въ жизни никакихъ новыхъ тропинокъ. „Всю вашу жизнь вы будете шагать по старымъ дорогамъ, потихоньку, гуськомъ другъ за другомъ, какъ слѣпые... потому, что вы только усердные и вѣрные... лакеи вашихъ идей. Вы идете не въ ногу съ ними, а сзади нихъ“... Это очень мѣтко и хорошо сказано, но еще лучше Сурковъ характеризуетъ quasi-интеллигенцію, съ ея устарѣлыми идеалами эпохи общественного мѣщанства, знакомя героя разсказа, архитектора Шебуева, съ перечисленными нами выше интеллигентными мѣщанами. „Вы находитесь среди дворовыхъ людей россійскаго свободомыслія! — говоритъ Шебуеву Сурковъ; — россійское свободомысліе давно уже легло татарскимъ игомъ на раболѣпные

умы русскихъ людей... И всѣ, здѣсь присутствующіе, закованы въ кандалы свободомыслія, сидятъ въ колодкахъ разныхъ измовъ и сами же оныя колодки все туже стягиваютъ. Это на языкѣ рабовъ именуется саморазвитіемъ и составляетъ обычное русскаго интеллигента занятіе, чрезвычайно сладостное ему“...

Но дѣло не въ Сурковѣ. Сурковъ—это только типичный ферментъ разложенія, не умѣющій создать ничего положительнаго; его положительная сторона въ томъ, что онъ отрицаетъ мѣщанство: дальше этого каламбурнаго опредѣленія Сурковъ неопредѣлимъ. Онъ ненавидитъ мѣщанство, онъ ненавидитъ „порядочнаго“ человѣка: „всѣ порядочные люди—это идейные мѣщане... Порядочность—мѣщанскій идеаль“, заявляетъ онъ; онъ ненавидитъ схему, трафаретку, шаблонъ, и ему хочется сунуть палку въ мозги „порядочнаго человѣка“ и спутать строгій порядокъ, царящій въ его головѣ. Но пусть завтра же мѣщанство будетъ сметено съ лица земли—и Сурковъ сейчасъ же станетъ въ оппозицію тому, что появится на мѣстѣ мѣщанства, что бы это ни было; недаромъ самъ Сурковъ сознается: „я страдаю припадками противорѣчія всему существующему“... Итакъ, не въ Сурковѣ дѣло; намъ интересенъ Шебуевъ, главный герой „Мужика“.

Шебуевъ читаетъ отходную интеллигенціи — мы уже знаемъ, въ какой части интеллигенціи эта отходная могла относиться. Но здѣсь Горькій идетъ дальше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ своемъ произведеніи: читая отходную одной части интеллигенціи, онъ въ то же время вскрываетъ одну отрицательную черту, общую всей интеллигенціи въ ея цѣломъ. Отходная читается Безсѣменовымъ, Иванамъ Ивановичамъ, Кропотовымъ (такъ фамилія аккуратнаго и умѣреннаго доктора изъ „Мужика“), но въ то же самое время и всѣ представители не такъ называемой, а истинной интеллигенціи получаютъ отъ Горькаго вполне по адресу заслуженное обвиненіе въ нѣкоторой сухости, въ доктринерствѣ, въ книжности, вообще — въ чрезмѣрной, утрированной „интеллигентности“. И въ этомъ Горькій совершенно правъ.

„Жизнь—этотъ прекрасный процессъ созиданія идей, накопленія красоты и мудрости, неустаннаго творчества новыхъ формъ, процессъ таинственный, глубоко интересный и радостный, да! радостный!—жизнь мы не любимъ. Любимъ мы какую-то частность, что-то выдуманное нами... только не идеаль новой жизни!.. Личный опытъ каждаго изъ насъ поразительно ничтоженъ. Вѣдь мы жизни не знаемъ,—съ дѣтства учимся грамотѣ, лѣтъ по десяти кряду, а

потомъ живемъ въ углахъ на содержаніи своего воображенія. Кормимся мы больше литературой, а здоровую пищу непосредственнаго впечатлѣнія нашъ мозгъ отказывается переваривать. Когда жизнь насмѣшливо бросаетъ намъ въ лицо однимъ изъ своихъ безчисленныхъ противорѣчій, мы тотчасъ беремъ за книгу, чтобъ посмотреть—а что тамъ по этому поводу написано! И только... Да, мы пытаемся по преимуществу книгой и слишкомъ развили нашъ умъ въ ущербъ здоровью чувства“...

Да, все это бьетъ прямо въ цѣль. Даже лучшая часть нашей интеллигенціи всегда была слишкомъ „интеллигентной“... Умѣлъ ли Бѣлинскій наслаждаться шелестомъ лѣса, шумомъ моря? Умѣлъ ли онъ отдаваться чувству любви непосредственно, не рационализируя? У него не было другихъ интересовъ, кромѣ общественныхъ и литературныхъ, для него не существовала ни природа, ни исторія, ни красота непосредственнаго впечатлѣнія; характеренъ рассказъ Герцена о полномъ равнодушіи Бѣлинскаго къ историческимъ мѣстамъ Парижа: какое ему дѣло до какой-то Бастиліи, если въ русской литературѣ появился „Антонъ Горемыка“!.. Любовь Бѣлинскаго къ Бакуниной—какой это классическій образецъ горячаго чувства, скованнаго путами рационализированія!.. Горькій правъ; у насъ интеллектъ почти всегда подавляетъ инстинктъ (беря это слово въ самомъ его общемъ значеніи), чувство подавляется разумомъ, сердце—умомъ; быть можетъ, именно поэтому у насъ умъ съ сердцемъ въ ладу, въ такомъ ладу, въ которомъ могутъ находиться мощный властелинъ съ закованнымъ рабомъ... Здѣсь—опасность для интеллигенціи забыть завѣты индивидуализма и уродливо развить человѣческую личность только въ одну сторону. Развитие интеллекта не есть самодовлѣющая цѣль въ развитіи человѣческой личности: суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы. Мы не согласны съ Горькимъ, когда онъ рекомендуетъ полагать предѣлы росту интеллекта, „чтобы онъ не опережалъ человѣка“, такъ какъ видимъ другой выходъ въ одновременномъ и параллельномъ развитіи „инстинкта“, такъ какъ мы убѣждены въ возможности совмѣщенія глубины и широты въ человѣческой личности; но во всякомъ случаѣ приматъ „интеллекта“ надъ „инстинктомъ“ въ его крайнемъ проявленіи и съ нашей точки зрѣнія заслуживаетъ рѣзкаго осужденія.

„Мысль странная...—возражаетъ Шебуеву докторъ Кропотковъ, снисходительно улыбаясь.—а если этотъ ростъ интеллекта создать изъ человѣка Канта.—что вы скажете?“

— Что скажу? А скажу, что Кантъ былъ очень жалкій и уродливый человѣкъ, ибо онъ не зналъ ничего въ жизни, кромѣ своей философіи. Но все-таки онъ—Кантъ, и пускай онъ жалокъ, пускай онъ только жертва намъ, нашему стремленію познать тайны бытія... Пускай онъ всю жизнь думалъ, и, быть можетъ, никогда не чувствовалъ, что онъ живетъ. Его несчастіе полевно для насъ, оно—наша гордость и слава. И, разумѣется, для общей пользы жизни нужны такіе люди, что не мѣшаетъ мнѣ считать ихъ уродами. Нужно быть именно Спинозой, а не человѣкомъ, чтобы наслаждаться созерцаніемъ науковъ, пожирающихъ другъ друга, и не пожелать иного наслажденія. Такихъ... мудрецовъ я не сочту людьми: не могу! Я буду изумляться силѣ ихъ мысли и даже преклонюсь предъ этой силой, но односторонне развитой человѣкъ—не идеальнъ человѣка. Канты и Спинозы—только огромныя головы, Бетховены—только изумительно развитыя уши и пальцы. А жизнь хочетъ гармоническаго человѣка,—человѣка, въ которомъ интеллектъ и инстинктъ сливались бы въ стройное цѣлое. Нуженъ человѣкъ, всѣ способности котораго были бы приведены въ строй равномѣрный и, одна другую отбѣняя, всегда всѣ и всегда гармонически откликались бы на каждое впечатлѣніе бытія. Нуженъ человѣкъ... не только все понимающій, но и все чувствующій. Человѣкъ долженъ быть всестороненъ, и лишь тогда онъ будетъ жизнеспособенъ и жизнеспособенъ, то-есть будетъ умѣть не только примѣняться къ жизни, но и измѣнять ея условія сообразно росту своего я“...

Какія неожиданныя слова отъ увѣровавшаго въ марксистскую догму автора! Вѣдь все это не что иное, какъ варьяціи на тему давнымъ давно развитую Михайловскимъ! Борьба за индивидуальность, по терминологіи послѣдняго, есть именно приспособленіе условій среды къ своему я; Михайловскій требуетъ именно всесторонности развитія и именно какъ такую всесторонность опредѣляетъ человѣческую индивидуальность. И поскольку Горькій стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, поскольку онъ призываетъ къ борьбѣ за индивидуальность, за всесторонность, яркость и полноту человѣческой личности—онъ является представителемъ яркаго индивидуализма, красной нитью проходящаго черезъ все его творчество. Это его десница; но въ то же время происходитъ работа и его шуйцы: передъ нами проходитъ, съ патетическими выкриками, „нарумяненный трагическій актеръ, махающій мечомъ картоннымъ“—абстрактный „Человѣкъ“, раздается безсильное шамганье странника Луки, проповѣдующаго что человѣкъ—только средство. Мы видѣли, что такая же борьба

десницы съ шуйцей имѣеть мѣсто и у Чехова; оба они не сдумѣли привести въ гармоническое созвучіе всѣ свои воззрѣнія. „Я вѣрю и въ цѣлесообразность, и въ необходимость того, что происходитъ вокругъ, но какое мнѣ дѣло до этой необходимости, зачѣмъ пропадать моему я?“—увѣренно пишетъ десница Чехова („Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“); „я не знаю ни одной книжной истины, коя для меня была бы дороже человѣка! Человѣкъ есть вселенная, и да здравствуетъ вовѣки онъ, посящій въ себѣ весь міръ!“—не менѣе твердо и увѣренно выписываетъ десница Горькаго („Томъ Гордѣевъ“). Но тутъ же рядомъ продолжаютъ свою работу и шуйцы Горькаго и Чехова. И если у Чехова десница побѣждаетъ шуйцу, то побѣда эта, какъ мы видѣли, не спасаетъ его отъ раздвоенія; Горькаго эта побѣда не спасаетъ отъ этического анти-индивидуализма. Горькій стоитъ на твердой почвѣ, когда въ отвѣтъ на чеховскую вѣру въ прогрессъ—„какъ прекрасна будетъ жизнь на землѣ черезъ двѣсти-триста лѣтъ!“—заявляетъ, что эта жизнь должна быть прекрасной немедленно же. Должна быть—и можетъ быть: для этого стоитъ только „жить во всю“, „жить во всѣ стороны“, а не прозябать въ углу, на содержаніи своего воображенія. Вообще—

...Хочешь жить—будь смѣлѣй!

Страхъ и жалость отбрось!

Только сердце свое ты жалѣй,

Только съ нимъ не пытайся жить врозь!

(„Сказка о маленькой Феѣ и молодомъ Чабанѣ“; см. „Самарская газета 1895 г., №№ 98—107). Но лишь только Горькій переходитъ къ славословіямъ и акаѳистамъ абстрактному Человѣку, какъ приближается къ мѣщанству вмѣстѣ съ Чеховымъ, пытающимся отстоять идеалы „шигалевщины во времени“...

Намъ нѣтъ необходимости много распространяться на тему объ анти-мѣщанствѣ Чехова и Горькаго; можно только подчеркнуть еще разъ, что Горькій клеймилъ мѣщанство формы, въ то время какъ Чеховъ остановился въ раздумьи передъ мѣщанствомъ самой жизни какъ таковой. Нечего доказывать, что формы современной жизни были ему ненавистны не менѣе Горькаго; по крайней мѣрѣ еще за десять лѣтъ до появленія босяковъ Горькаго въ широкой публикѣ Чеховъ далъ намъ апологію скитальчества, или, вѣрнѣе, указаль, что скитальчество не нуждается ни въ какой апологіи. „Подобно большинству людей, онъ питаль предубѣжденіе къ скитальчеству и считаль его чѣмъ-то необыкновеннымъ, чуждымъ и случайнымъ,

как болѣзнь, и искалъ спасенія въ обыкновенной будничной жизни. Въ тонѣ его голоса слышалось сознание своей ненормальности и сожалѣніе. Онъ какъ будто оправдывался и извинялся — рассказываетъ Чеховъ про одного изъ своихъ сѣрыхъ, будничныхъ героевъ, и прибавляетъ отъ себя: „...какъ бы удивились и, быть можетъ, даже обрадовались всѣ эти люди, если бы нашлись разумъ и языкъ, которые сдумѣли бы доказать имъ, что ихъ жизнь такъ же мало нуждается въ оправданіи, какъ и всякая другая“ ... („Перекажи-поле“).

Вотъ отвѣтъ Чехова на разные запросы героевъ Горькаго, въ родѣ Оомы Гордѣева, о томъ, гдѣ и въ чемъ найти оправданіе жизни; зато и у Горькаго мы найдемъ отвѣтъ тѣмъ чеховскимъ героямъ, которые считаютъ смыслъ всей жизни, „оправданіе“ ея — въ трудѣ (напр., Тузенбахъ и Ирина въ „Трехъ сестрахъ“). „Это невѣрно, что въ трудахъ — оправданіе... — заявляетъ Оома Гордѣевъ: — которые люди не работаютъ совсѣмъ ничего всю жизнь, а живутъ они лучше трудящихся... это какъ? А трудящіе — они просто несчастныя... лошади!“ Да, не въ буржуазномъ строительствѣ и не въ анти-буржуазномъ скитальчествѣ „оправданіе“ жизни, смыслъ ея; это только формы, въ которыя можетъ быть влито любое содержаніе.

Какое содержаніе находимъ мы у Чехова и Горькаго? Одинаковое: оба они „увѣровали въ прогрессъ“, оба имѣютъ идеаломъ сравнительно ближайшее будущее. Горькій вполне опредѣленно возлагаетъ свои надежды на пролетаріатъ, Чеховъ неопредѣленно ждетъ рая на землѣ черезъ „двѣсти-триста“ лѣтъ. Вотъ какъ смотритъ Горькій на русскую жизнь XIX-го вѣка: „былъ у насъ интеллигентъ-дворянинъ, — говоритъ онъ устами Шебуева: — онъ на своихъ плечахъ внесъ на родину культуру Запада, создалъ огромныя, вѣчныя цѣнности и — все-таки отцвѣлъ, не окупивъ, можетъ быть, и половины тѣхъ затратъ, которыя употребила страна на то, чтобы взрастить его... На смѣну ему явился интеллигентъ-разночинецъ. Этого дешево стоилъ странѣ: онъ явился въ жизнь ея какъ-то сразу и своей огромной силой поднялъ страшный грузъ. Онъ надорвался въ трудѣ и нынѣ тоже отцвѣтаетъ... Можетъ быть, онъ возродится? Не знаю... не охотникъ я до гаданій... Вижу — онъ отцвѣтаетъ. *Это стодъ про него говорилъ я давеча.* (Подчеркиваемъ это признаніе Шебуева, дополняющее его „отходную“ интеллигенціи, приведенную выше). ...На смѣну ему идетъ мужикъ, рабочій-интеллигентъ, и въ то же время растетъ буржуа — купецъ-интеллигентъ... Посмотримъ, чтдъ сдѣлаетъ мужикъ“ ... У Чехова менѣе опредѣленны его политическія симпатіи; независимо отъ классовыхъ отношеній, онъ вообще

ждать „отъ жизни“ спасенія людей отъ мѣщанства: онъ ждетъ отъ будущаго „легкой, удобной и пріятной“ жизни; но именно эта нѣкоторая неопредѣленность Чехова ставитъ его впереди слишкомъ опредѣленнаго Горькаго. На современную историческую сцену выступаетъ рабочій-интеллигентъ, заявляетъ Горькій; „во что онъ вѣруетъ? въ чемъ его культъ?“ — спрашиваетъ его декадентка Калерія. Конечно, Калерія узка, нетерпима, мѣщанка; она не понимаетъ значенія соціального фактора въ жизни человѣка, хочетъ поставить себя выше него; все это такъ, но тѣмъ не менѣе вопросъ ея имѣетъ несравненно болѣе существенное значеніе, чѣмъ это полагаетъ она сама, а за нею и Горькій. Идетъ новая жизнь, но неужели она уложится въ старыя мѣщанскія формы? — вотъ значеніе этого вопроса, мимо котораго Горькій проходитъ съ такимъ высокомернымъ пренебреженіемъ... Но отвѣчать на такой вопросъ молчаніемъ — опасно; это молчаніе — лишь тонкій волосокъ, отдѣляющій индивидуализмъ Горькаго отъ того самаго мѣщанства, которое ему такъ ненавистно и къ которому онъ такъ близко подошелъ.

Вопроса объ идеалахъ социализма мы еще коснемся, а теперь заканчиваемъ наше знакомство съ двумя тѣсно связанными между собой, замѣчательными выразителями русской общественной мысли въ художественномъ творчествѣ послѣдней четверти XIX-го вѣка. Знакомство это мы закончимъ указаніемъ на тѣсную связь и въ то же время на полярность Чехова и Горькаго, что мы уже имѣли случай отмѣтить по отношенію Пушкина и Лермонтова во-первыхъ, и Герцена и Михайловскаго во-вторыхъ: подобно Лермонтову и Герцену, Чеховъ началъ съ анти-мѣщанства и пришелъ къ индивидуализму; подобно Пушкину и Михайловскому, Горькій отъ индивидуализма подошелъ къ борьбѣ съ мѣщанствомъ. Но полярность эта, въ противоположность тому, что мы видѣли при сравненіи Пушкина и Лермонтова, не идетъ дальше внѣшней стороны взаимоотношенія Чехова и Горькаго: полярность эта не нисходитъ до послѣднихъ глубинъ духовной сущности разбираемыхъ нами писателей. Раздвоенность Лермонтова между реализмомъ и романтизмомъ и типичная реалистичность Пушкина не имѣютъ своей параллели во взаимоотношеніяхъ Горькаго и Чехова, которые оба принадлежали къ реалистическому типу. Существуетъ мнѣніе о „романтизмѣ“ Горькаго перваго періода дѣятельности; намъ не для чего особенно подробно останавливаться на той самоочевидной истинѣ, что этотъ „романтизмъ“ Горькаго — знакомый намъ этический псевдо-романтизмъ; типичный эмпирикъ и рационалистъ, Горькій такой же псевдо-романтикъ, какимъ былъ

Пушкинъ въ періодѣ „Кавказскаго Пльнника“ и „Цыганъ“. Скорѣе наоборотъ, въ Чеховѣ мы можемъ найти нѣкоторыя черты, дѣлающія его однимъ изъ предтечь того литературнаго теченія, въ которомъ зазвучали романтическія ноты въ русской литературѣ конца XIX-го вѣка (см. объ этомъ ниже, гл. IX).

Въ заключеніе подчеркнемъ еще разъ центральный фактъ, — несомнѣнность этического анти-индивидуализма Чехова и Горькаго. Идеалы Достоевскаго не были твердо усвоены русской интеллигенціей. Къ нимъ вернулось идеалистическое теченіе русской общественной мысли конца XIX вѣка, вышедшее изъ нѣдръ разлагавшагося русскаго марксизма.
